

Дневник Т.Г. Степанова 1985 год

30 августа 1985 г.

Прощай, Тбилиси. Прощайте, дом, дорогие люди, хребет в окне, кабинет на проспекте Руставели – может быть, навсегда прощайте.

Выхожу на новую дистанцию, вернее всего – последнюю. Мне 51, я нездоров, подавлен надвигающейся старостью и, тем не менее – беру новый старт. Почему я это делаю? Не знаю. Почему в который уже раз начинаю с нулевой отметки? Не знаю. Мотив «мне интересно» несолиден, неумен. Скорее всего, во мне завопил вассал, верноподданно готовый следовать за своим сувереном хоть на край света. А краем света могут быть Нью-Йорк, Париж, Женева, острова Фиджи или какой-нибудь там Бруней. Что, мною на старости лет овладела охота мир поглядеть? Это с моей-то аритмией?

Ответа не нахожу, кроме все того же банального «мне это интересно».

Стартует самолет на Москву. Стартую и я. Вечером самолет в Тбилиси вернется. А я? Вернусь ли я?

2 сентября, понедельник.

День первый. День высадки на планету МИД. Меня окружают инопланетяне. Их речи, их язык непонятен мне. Трудно представить, что я освою его. Комната на тринадцатом этаже - № 1305 – первое пристанище. Ни кола своего, ни стола. Стол занят маленьким улыбчивым человеком в скромном москошвейском костюме. Руководитель советской делегации на переговорах по разоружению, уменьшению численности войск в Центральной Европе (Вена) – Валериан Владимирович Михайлов. Американист, бравый посол на Филиппинах, ныне временный обитатель этой комнаты и отеля «Парк» в пригороде Вены. Переговоры ведутся 12 лет, четыре года на них сидит мой симпатичный визави. Вздыхает: «Конца-краю им не видать». Рассказывает о процедуре переговоров, тягостной и рутинной, о Филиппинах, рисует образ президента Маркоса. Лавина информации начинает двигаться на меня. Она кружит голову своей остротой. Острая, пряная, иногда дурно пахнущая пища доля ума. Разум смятен.

В секретариате министра пожилая курящая женщина – Инна Николаевна Шахова проявляет ласковую готовность снабжать меня информацией во все возрастающих количествах.

В журнале «Тайм» - выразительная фотография Э.А. Ш. Подпись: «новый человек в Восточном блоке». Отдаю статью на перевод. «Новый» - старый в моей жизни человек – пока не проявляет признаков желания встретиться со мной. Говорят, работает на износ – ежедневно, с восьми утра до двенадцати ночи. Мне, новому человеку в его окружении придется работать также.

М.С. Горбачев дал интервью издателям «Тайм» - первое непосредственное обращение к американским читателям. Комментарии и отклики западной, главным образом – американской печати изобилуют похвалами в его адрес: уверенный, осведомленный, твердый, обаятельный. В преддверии встречи на высшем уровне он явно набирает очки. В Вашингтоне - расколпо поводу ноябрьской встречи. Белый дом сквозь зубы цедит требование допустить и Рейгана к советским средствам массовой информации. Наша «Экипа» готовит речь Э.А. на 40-й сессии Генеральной ассамблеи ООН. Подключаюсь к ней и я.

В 13.30 – вызов к министру.

-Ну, что в Тбилиси?

-Много всякого.

-Ты готов приступить к работе?

-Готов.

-Может, на первых порах тебе следует осмотреться, познакомиться с технологией, вникнуть в работу секретариата. Сфера – как уговорились. Работа над текстами, связь с прессой, культура, почта творческой интеллигенции. Будет много поездок.

Перехватив инициативу, влез со своими патетическими рассуждениями о понимании своей «миссии», рассказал о легендах, которые возникли после его поездки в Хельсинки.

-Верно ли, что Вы преподнесли Шульцу кинжал, сказав: «Я разоружился, теперь очередь за Вами?»

-Это миф. Была другая история. Он мне сказал: «Хочу познакомить Вас с начальником моей охраны» и представил худенькую молоденькую женщину. Я пожал ей ручку со словами: «Теперь я вижу, что судьба США в надежных руках». Посмеялись и посерьезнели. Выслушал уже знакомые речи о необходимости быть сдержанным, не держаться нараспашку, забыть о нашей традиционной грузинской искренности.

-Многие ломают голову над тем, почему тебя пригласили. Будут присматриваться. Неожиданное спросил:

-Есть у тебя какие-нибудь проблемы?

-Одна проблема: как выдержать физически?

-Мы приехали сюда не на один год. Давай не подводить друг друга. Если я и выдерживаю такие перегрузки, то только потому, что выработал железный режим. Стараюсь хоть час отдыхать днем. Тебе надо об этом подумать.

На том расстались.

В тот же день - визиты к разным людям, в том числе – на 23 этаж, к Курышеву, в спецотдел. Уведомил меня о том, что многие будут набиваться в друзья, считая меня клеветом и соглядатаем Шеварднадзе. Спасибо за информацию.

3 сентября.

Подписан приказ о моем назначении помощником министра иностранных дел. Вместе со мной в секретариат приняты еще двое. Вместе с одним из них – С. Тарасенко, бывшим заместителем заведующего отделом США, начал работать над текстом выступления Э.А. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Сергей Петрович предложил ввести в текст личностный мотив. То, что нам передали – весьма тусклое выступление. Эдуарда в нем не видно. Предложение мне по душе.

Вызов к Шеварднадзе. Вид утомленный, чтобы не сказать – изможденный. Запали глаза, чувствуется, что держится с трудом. Изложили мы ему свои соображения. В ответ:

-Попробуйте. Но товарищи считают, что по стилю и тону эта речь должна быть традиционной.

4 сентября.

Весь день редактировали текст. Искали находки, вводили «каристику» (?). Он все отмел:

-Не надо. Сделайте поспокойнее. Мне неудобно начинать в таком тоне, говорить о своем волнении, будто я так уж молод, что я не могу справиться с ним. Одну «находку» - об осени и «ядерной зиме» принял. Предложил ряд уточнений, свидетельствующих о том, что он вполне сносно осваивается в международной проблематике. Я перенес эти замечания в специальный блокнот – здесь их приводить не буду.

Когда закончился разговор – попросил разрешения остаться на минуту.

-Серьезно обеспокоен вашим вчерашним видом. Так можно сломаться. Ведь вы же и сказали мне: нельзя подводить друг друга. Что мне тогда делать? Я ведь и о себе думаю.

-Спасибо за внимание. Я сбросил в весе до десяти килограммов. Объем работы огромный. Думаю, что потом будет легче.

Встреча и беседа, весьма интересная – с заведующим отделом печати МИД Владимиром Ломейко. Судя по высказываниям – мыслим в унисон.

Ушел от него обрадованный.

6 сентября.

Положение – служебное и бытовое – неопределенное. Больше всего тяготит привязанность к месту, невозможность вырваться из кабинета. Пока не загружен делами – маюсь. Резко снизилась физическая активность. Много информационных материалов – еще не работа. Испытываю острую недостаточность в общении. Продолжает мучить аритмия.

9 сентября.

«Вашингтон Пост», Мэри Макгори: «Рональд Рейган готовится к своей встрече в верхах с М.С.Г. примерно так же, как боксер тяжелого веса к чемпионату мира».

Обычно будущие противники выступают с резкими заявлениями и угрозами – «Я убью его!», чтобы психической атакой запугать соперника, и в этом плане Рейган весьма усердствует. Он уже сделал ряд выпадов. Все это создает впечатление, что Рейган хочет, чтобы Горбачев понял: самый талантливый политический пропагандист мира выдержит в Женеве все десять раундов...

...Рейган явно хочет заверить правое крыло, что его поездка в Женеву вовсе не значит, будто он «клюнет» на улыбку, которая – и М.С. Горбачев это знает – может сыграть такую важную роль в мировых делах.

...Мортон, «Экономист»: Сейчас становится все яснее, что М. Горбачев очень умело и легко занимается вопросами внешней политики в Советском Союзе. Его последнее выступление в этой области – пространное интервью «Тайм» - явилось еще одной виртуозной демонстрацией глубокого понимания проблем.

Из высказываний С.П. Т:

-Вы в роли спичрайтера обречены на хроническую победу ввиду регулярной неадекватности противника.

-Тамбов-геральд и ступино-стар.

-Человеческий фактор – невостребованный резерв нашей внешней политики. Дипломатия все более становится открытой, ибо скрывать существующее положение вещей практически – благодаря технологии – невозможно. Прежде посаженный в засаду кавалерийский полк способен был решить судьбу сражения. Сейчас ни полк, ни армию не спрячешь. Человеческий факторничего не способен изменить в советско-американских отношениях, но он способен повлиять на общественное мнение Запада, которое, в свою очередь, может повлиять на его лидеров.

Образ нашей страны – и зачастую пугающий – складывался и складывается не в последнюю очередь под влиянием «медведей», не умеющих смеяться, шутить, улыбаться, быть раскованными. Этот образ формируют наши сквальжничество, скупость, тяга экономить центы и т. п.

-Два модуса-вивенди в мидовской работе: левый ряд в «хай-вей», когда набираешь скорость, и мчишься в общем потоке, не имея возможности остановиться. И - правый ряд: поезжай не спеша, с остановками и поворотами, где тебе заблагорассудится.

10 сентября

ВМН.

-Он перерабатывает, напрягается, тратит больше времени, чем надо – по одной причине: если А.Г. в силу опыта и знания проблем схватывает суть вопроса с полувзгляда, Э.А. необходимо фундаментально вникнуть в проблему. Когда он охватит весь комплекс проблем и станет разбираться в них – как в собственном доме – будет легче.

Барнаман, «Ньюсуик»:

-Американские официальные лица указывают на блестящее мастерство М. Горбачева в области завоеваний симпатий общественности. В ходе усиления войны нервов между сверхдержавами накануне ноябрьской встречи Москва бьет «великого мастера общения» из Вашингтона его же собственным оружием.

11 сентября.

Дэвид Алперн, «Ньюсуик»:

-Имея в виду умело построенные речи М. С. Горбачева (который даже раз сослался на Всевышнего), один высокопоставленный сотрудник администрации сказал: «Этот человек – настоящий гений в публичной дипломатии. Он – типичный положительный герой. Все от него в восторге, поскольку он говорит то, что от него хотят услышать».

Пол Сорбейнс: «Мы имеем дело с руководителем, который находится в расцвете сил». «Великий мастер общения из Москвы бьет хозяина Вашингтона в его же собственной игре».

Джозеф Крафт, «Вашингтон пост»:

-Новый советский руководитель привносит в мир два качества, которых не было у его недавних предшественников. Он – молодой деятель в расцвете сил, который, как можно рассчитывать, переживет нынешнего американского руководителя... Кроме того, Горбачев соперничает с Рейганом в качестве «пропагандиста». Он производит впечатлений человека привлекательного, энергичного и в высшей степени хорошо информированного, и у него приятный, непринужденный подход».

«Обсервер», Хоггарт:

-Белый дом готовится потратить предстоящие несколько недель на то, чтобы справиться, с, по-видимому, глобальной пропагандистской катастрофой.

Сейчас, когда США активизируют подготовку к ноябрьской встрече в верхах, «великий пропагандист» Рейган оказывается всякий раз побежденным в этом плане Горбачевым. Это – неприятная неожиданность для администрации, которая бесконечно гордится своим искусством саморекламы, и которой до настоящего момента приходилось иметь дело только с рядом умирающих стариков в Кремле.

М.С. Горбачев еще только начал использовать в своих интересах западные средства массовой информации, и его манера и гибкость ума наверняка принесут ему дальнейшие «очки».

Если у американцев сейчас президент, движимый идеологическими мотивами, то Советским Союзом руководит человек, явно убежденный в том, что у его страны есть историческая миссия, и присягнувший на верность вечному глобальному состязанию – на условиях по его собственному выбору.

«За рубежом (в отличие от США – Т.С.) Рейган вечно представал в качестве вечно бормочущего старого недотепы, чей упрощенческий милитаризм вполне может привести к тому, что мир взлетит на воздух... Президентское обаяние и вполнину не сработает так же хорошо за рубежом».

Доверительная беседа с Э.А.

-Я долго сомневался в правильности сделанного выбора. Не спал ночами, переживал, думал. Чувствовал себя крайне неуютно. Лишь последние 15-20 дней начал обретать уверенность в себе.

-Разве можно было отказываться?

-Невозможно. Потому что все мои доводы «против» были отведены.

-Вам, как мне кажется, следовало бы чаще пользоваться Вашим главным «капиталом».

Вашим даром общения. Это главный резерв воздействия на общественное мнение Запада,

способное, в свою очередь, воздействовать на своих лидеров. То, что уже произвело такое сильное впечатление от выступлений М. Г. Мне показалась несколько необычной обезличенность Вашей речи в ООН.

-Было бы не деликатным круто менять тон и стиль. Всему свое время. Главное сейчас – поддержать Генерального. Лагерь социализма не имел до него яркого, незаурядного лидера. Мы должны всячески содействовать яркости «звезды». Это, кстати, и твоя задача. Разговор вновь зашел о работе на износ.

-Это будет продолжаться до съезда.

-Вам необходимо физическое движение. Можно было бы прерываться часов в 7 вечера, брать работу домой, так разряжаться и снова работать.

-Я ведь сижу допоздна, не только за бумагами. Встречаюсь и беседую с послами. Многие из них годами не встречались с министром. Только так можно овладеть положением.

Потом будет выработан более разумный, щадящий режим. После съезда.

Рассказал о моих впечатлениях от МИД. О моем дискомфорте и переживаниях.

Потосковал вслух о Грузии.

Долго беседовали о проекте Программы КПСС. Некоторые точки зрения совпали. Он предложил думать, искать новое, апробировать.

Разговор о моем статусе.

-Решим все вопросы, когда вернемся из Нью-Йорка. Я распорядился, чтобы тебя включили в делегацию.

11 сентября.

Еще на прошлой неделе министр распорядился о том, чтобы меня включили в группу, выезжающую в Нью-Йорк на сессию ГА ООН. И только вчера «оформители» моей поездки «вспомнили» о его указании. Что это? Скрежет бюрократической машины? Или прямой саботаж?

Во второй половине дня машина заработала на полных оборотах. Мотор перестал чихать. В посольство США пошла нота. Затребовали мои фотографии. В специальную анкету влили «словесный портрет», цвет волос и глаз, особые приметы (нет), рост и т. п.

Разговор за обедом с Адамишиным, зав. первым европейским отделом. Участие в возвращении иконы Тевдоре из Швейцарии в Сванетию. Три недели тому назад наша святая троица любовалась этой иконой в Местия. Знакомство с Карповым и Квицинским.

14 сентября 1985.

«Звездный бульвар» - хорошее название для романа о ... О чем? О моем новом амплуа? Тогда, может быть, лучше – «Смоленская площадь?» Сколько замыслов, сколько названий и – ни одного осуществления! И уже никогда – ни одного завершения.

И все-таки – пиши, несостоявшийся писатель и пока – несостоятельный помощник министра иностранных дел. Лист бумаги, сначала белый, потом – исписанный корявыми строками – твоя единственная вечная родина. Твоя единственная родина, твой тыл, твое убежище – твой Тбилиси. Как хорошо, что он у тебя есть, и как ты богат по сравнению с этими подметными профессионалами.

А Звездный бульвар – потому звездный, что помогает тебе в твоих утренних пробежках меж берез осознать твое богатство.

Твое богатство – твои наблюдения, мысли, постижения, открытия. Жаль только, что они никогда не обретут завершеного воплощения в множественности листов твоей единственной родины.

Профессор Георгий Вачнадзе, ежегодно выпекающий по одной лихой книжке.

-Вы могли бы передать эту с моей дарственной надписью министру?
-Вы могли бы устроить мне поездку на Генеральную конференцию ЮНЕСКО?
-Вы не хотели бы защитить диссертацию у Засурского? Я напишу ее вам.
-Все, что мне надо, я пишу сам, в том числе и диссертации.
-Ну, все-таки... Может, кому-нибудь надо?
-Не надо?
-Я говорю на всякий случай...

«Гордиевский узел» в Лондоне. Олег Гордиевский, сотрудник нашего посольства в Лондоне, перебежал к англичанам и снял «крышу» над головами 25 своих коллег. С 1982 года он работал в Лондоне и выполнял работу двойного агента.

17 сентября 1985.

Первая командировка. Первое хождение за океан. В Москве – морозящий дождь, над Балтийским морем – солнечно. Полет в Нью-Йорк – в тумане, в неизвестное и неизведанное. Никогда еще так далеко не улетаю от дома, никогда еще не был так спокоен. Почему? Ведь даже скоротечная поездка в Цкнети – и та могуче волновала воображение. Старт во Внуково 2– под стандартные ныне остроты о выпивке, отмененной и на этом вышем, во всех отношениях уровне.

-Впервые, - говорит кто-то, – летим абсолютно трезвые.

Шутку о трезвости поддержал Э.А., вошедший в наш салон поздороваться.

В соседнем летит Эдик Песов, фоторепортер ТАСС. Банально, но мир чрезвычайно тесен. В шестидесятых в Тбилиси мы часто встречались и общались, он много фотографировал маму, лучшие ее снимки сделаны им.

Еще летит Мераб Чебошвили, тоже старый знакомый по Тбилиси. Как приятно мне сейчас разговаривать по-грузински!

Лететь долго – 11 часов. Одна посадка в Шенноне (Ирландия). Для большинства моих попутчиков это обычный деловой полет. А для меня – в новую, другую жизнь. Не слишком ли поздно начинаю я ее? НЕ забыть вчерашнюю шутку С.Т. о багаже. Не упустить ни одной детали, ни одного штриха...

Вчерашний рассказ Вл. Ломейко о журналистах в Женеве, сегодняшней – о выдворенных.

- Я ничего еще не успел совершить, - воскликнул один английский журналист. – Я так долго готовился к поездке в Россию!..

«Лоскутное одеяло» внизу – Великобритания. На лоскуты напалзают полчища городов, бетонные петли автострад свиваются на «горле» спальных городков.

Стихи Евг. Евтушенко, прочитанные где-то на подходе к Ирландии. «Советский спорт», послесловие Льва Филатова. Как вездесущи хорошие поэты! Как вездесуща поэзия, если ты открыт ей!

Ну, разве не удивительно? Эти стихи о Боброве и Хомиче волнуют меня сильнее предстоящего Нью-Йорка.

17 ч. 35 минут по московскому времени. Садимся в Шенноне. Агитпункт в аэропорту – dutyfreeshop.

Рассказ о прошлогоднем ланче у Рейгана. Реплика Макфарлейна о русской водке из американской пшеницы.

10 тысяч километров. Разве я лечу «открывать Америку?» Себя открываю в этом полете, в этой поездке, свои физические (сердце, выдержки!) и духовные ресурсы, свою возможность перестраиваться и заново находить себя в этом чужом и пока неуютном для меня профессиональном мире.

Летим над океаном. Вспоминаю Северина, Брендана, других великих ирландцев.

Вспоминаю великих – от и до – и, зная, что они будут сопутствовать мне всю эту поездку, заслонять собой, страну, людей, страдаю. Книжное знание может смыть те жалкие крохи

непосредственного опыта, который я отсюда вывезу. Один в океане - человеческом, информационном, любом ином.

Внизу океан – зримая метафора моего состояния.

Часы отсчитывают московское время, а мы уже в ином времени, и никакие отечественные «стори» не способны перевести стрелки назад.

Берег Канады снова сметается океаном и, наконец, внизу – бесконечная лента «бичей», вдруг взлетающая в закатное небо хребтами и пиками Манхэттена.

Нью-Йорк. На часах – два ночи по московскому времени, а здесь еще светло как днем. Аэропорт имени Кеннеди. Маловато народа нас встречает. Журналистов - скудная кучка и те все наши. Но глаза уже захлебываются картинками иной жизни. Все детали вместе и каждая в отдельности – лица, реклама, здания, машины, витрины - накладываются на прочитанное и читаемое.

Встречей командует человек с очень знакомым лицом. Откуда-то я его знаю. Откуда? Ну, конечно же, все оттуда – из Тбилиси. Роланд Джикия – где-то наши пути перекались. Эдик Песов «знакомит» нас.

Едем в город. Лакированные рояли автомобилей играют извечную «американскую» симфонию. Барьеры «лайн полис» преграждают въезд на 67 стрит, где расположилось наше представительство. Напротив – синагога. На ее ступенях расположился бородатый старик, такой стопроцентно о`генриевский, что я чуть было не вскрикнул.

Латунная рукоятка какого-то калибра блеснула из-под полы чьего-то блейзера. Охранники могучей кучкой толпятся у ворот.

В служебных помещениях представительства нет окон, в которые можно было бы разглядывать страну. «Подводная лодка» в глубинах непроницаемой секретности. Но есть иное окно – экран «соки», и через него на меня хлещет Ниагара телеамерики.

Пресс-конференция Рейгана. Жутковатый репортаж матча по рестлингу. Дуэт каких-то мужиков в советских, а вернее – антисоветских мундирах. Полуночная рубрика «спорт интер» - репортажи бейсбольных матчей.

Ночная поездка по Нью-Йорку. Мэдисон-авеню, Сентрал парк, Манхеттен, Бруклин, Бронкс – для меня все это не просто названия. Город Желтого дьявола, Железный Миргород, Багдад – под подземкой доверчиво раскрывает свое нутро (?). Но я засыпаю на ходу. В Москве уже утро.

18 сентября 1985 г.

Проснулся в шесть по нью-йоркскому времени от грома и грохота автоамериканской симфонии. Телевизор словно и не засыпал. Жарко, душно, липко. Полуденная пробежка по Нью-Йорку. 67-ая, 52-ая, 42-ая стриты, пересечения с Мэдисон, Америк и другими авеню – и на Бродвей.

Людам на этих стритах и авеню живется лучше, чем деревьям. Еще лучше живется небоскрегам. Наверное, только там, в горных высотах бетона, стали, стекла, кондишн живется и дышится так, как должно человеку.

Глаза, не подведите меня! Будьте хищными, яростными, все вбирающими. Вбирайте самое главное, самое характерное, самое-самое. Но мне мешает «проводник» - Ролан Джикия. У него свой кайф от «проводки» гостя по центру Манхэттена. Над ним, бывшим тбилисцем его бывшая жизнь довлеет даже здесь, в центре этого Вавилона. Словно по проспекту Руставели ведет меня, расспрашивая о людях, оставшихся там, в прошлом. Перебивает им косточки, вспоминает связанные с ними истории, излагает свою одиссею. Странно слушать тбилисские сплетни в чаду Плаза, в тени Радио-сити. Перебиваю его: «Это что? А вот это что?», но он, отмахиваясь от моих расспросов, излагает и былые и нынешние истории моего города. И все-таки кое-что удастся «сфотографировать» сетчаткой глаз.

Торговцев гамбургерами. Уличный оркестр. Юношу-фокусника. Ортодоксальных евреев в черных шляпах, с подвязанными пейсами. Молодого негра, явно накачавшегося наркотиками. Уборщика мусора, столь же грязного, сколь и собираемые им отбросы. Асфальт – стекло, позасыпанное нечистотами, поверх – люди-отбросы, то лениво, то хищно следящие за мешаниной лиц. Очень много атлетов, бицепсов, тучных животов, но нет истощения.

Вечером – фильм «Свидетель». Накладывается на увиденное днем и производит чрезвычайно сильное впечатление. Плачу в темноте. Эти мои слезы – от настоящего искусства? Или – от настоящей жизни? Нет между ними границы. Нет здесь. Там, дома, от великой американской литературы, от кинематографа США меня отделял океан. Здесь это пространство исчезло, перестало существовать. История маленького мальчика, ставшего печальным свидетелем убийства, совпала с угаданными историями людей, встреченных днем на авеню Америк.

Пока это самое сильное впечатление.

В моем номере – 106 «С» - телевизор с приставкой, приставка – с клавиатурой. Рычажок, фиксируемый в трех позициях, каждая «держит» 10 каналов. На этих десяти клавишах можно исполнить что угодно – от кровавого детектива до чемпионата по американскому футболу, от сентиментальных голливудских фильмов 30-х годов до секс-шоу. 30-секундные вставки рекламы разрывают лик телеамерики. Четыре буквы – AIDS - главенствуют надо всем. Страшная болезнь волнует людей сильнее ядерного апокалипсиса. Но реклама берет (и отдает) свое.

19 сентября 1985 г.

Пропали бритвенный прибор, весь набор для утреннего туалета. Обшарил весь номер – не нашел. Оказалось: все за зеркалом, в нише. Маленькое происшествие с «русским в Америке». Чуть было не списал его на «происки ЦРУ».

Незнание порождает страх.

Днем – визит с Ломейко в «Ньюсуик», ланч, официанты-панки, подача кампари, идеологический мордобой. Попытались бить главным образом нас, но мы сами пошли в атаку. Молодые люди из этого журнала – тираж 4 млн экземпляров – не понравились мне. Может, такова американская традиция – превращать собеседника в боксерскую «грушу»? И только к концу ланча-матча понял:

-Они элементарно не понимают нас. Мы говорим на разных языках. Слишком велика разница в «философии», образе жизни, чтобы вот так, одним махом преодолеть разделяющую на пропасть.

Поговорили о «привлекательном» имидже Горбачева и Шеварднадзе - и вдруг:

-Высылка 25 английских дипломатов из Москвы обескуражила нас. Не кажется ли вам, что это своеобразный сигнал о жесткости позиции вашей страны перед встречей в верхах? Не так уж сильно они потратились на обед, даже значков не вручили. Зато мы понаставили им «фонарей».

Вчера же – работа в кабинете Э.А. Правка, новые фрагменты, ударения.

20 сентября.

В полдень Эдик Песов сообщает:

-На встречу с Шеварднадзе набивается Джейн Фонда.

Через десять минут сообщение:

-Едет!

В одном из залов представительства срочно стали расставлять осветительную аппаратуру. Однако съемки не состоялись.

Приехала. Стремительно прошагала сквозь кордон охраны, вошла в холл. Ее сопровождал рыжебородый молодой человек в блейзере, очевидно – секретарь. Принял их, однако, не Э.Ш., а В.С. Софрончук, местный дипломатический чин. Встреча длилась не более пяти

минут. Фонда принесла письма на имя Горбачева и Э.Ш. с просьбой содействовать эмиграции советских евреев, в частности – Иды Нудель. Письма были приняты с укоризной во взоре и речи:

-Что же это вы, Джейн, в чужие дела вмешиваетесь? Мало вам своих, в которых вы не всегда преуспеваете?

Уходила разгневанная. Рыжебородый пухлый человечек семенил за ней как провинившийся малыш за строгой мамой.

Сегодня же Э.Ш. отланчевал с Пересом де Куэльяром. Перес ругал американцев, превозносил Фиделя Кастро и был очарован нашим мининдел. Зашел разговор о «родстве» грузин с басками.

Очарование должно стать стереотипом.

При мне В.Б. Ломейко разговаривал по телефону с Марвином Келбом, известным вашингтонским журналистом. Тип просил устроить ему интервью с Э.Ш. С такой просьбой, по словам Ломейко, к нему обращаются многие. Увы, министр занят.

Ломейко:

-Американцы говорят, что сейчас, впервые за многие годы складывается прекрасный «имидж» советского руководства, главным образом, благодаря интервью Горбачева журналу «Тайм» и поведению Шеварднадзе в Хельсинки.

Эта осень для нас – медовый месяц. Если он пройдет без новых шагов с нашей стороны, способных закрепить и развить сложившееся впечатление – многое будет потеряно. Тем более, что наши «друзья» не сидят сложа руки. «Улыбки улыбками, - убеждают они своих соотечественников, а дело мы имеем с людьми, подающими старый товар в новой упаковке».

21 сентября

Наше пребывание здесь разворачивается на фоне трех, будоражащих США событий.

Первая: предстоящая в ноябре встреча в верхах. Отношение к ней здесь, как, впрочем, ко всему - спортивное: кто победит? Какие козыри припасли противники?

Второе – землетрясение в Мексике, катастрофические, страшное - числом жертв и масштабом разрушений.

Наконец, третье – AIDS(СПИД) – эпидемия болезни, чреватой утратой иммунитета. Число заболевших достигло в США миллиона. Возникла проблема медицинской сегрегации в школах.

А в нашей «подлодке» - тишина. Одного за другим Э.Ш. принимает глав делегаций, беседует с ними, затем поднимается в свой кабинет и работает над будущей речью в ООН. Работаем и мы.

Вчера в приемной словно с другом неожиданно встретился. На столе у Нестерушкина – книга, на обложке грузинский шрифт: «Я недаром вздрогнул...» «Генерал с орденом льва». Автор – Б. Хноупек, министр иностранных дел Чехословакии, писатель к тому же, издал в Тбилиси на грузинском языке в 1981 году. Сейчас же вручает ее Э.А. с дарственной надписью: «На память о наших встречах в Хельсинки, Нью-Йорке, Москве и Тбилиси».

Вечером – поездка в Нью-Джерси через мост Вашингтона по дороге №7- Север, в вертепы общества дешевого ширпотреба. «Кмарт», «Гимбел», «Херманс», «Александр».

22 сентября, воскресенье.

Фестиваль Третьей авеню. Столпотворение, Вавилон, торжище, игрища, «мейк мани» - во всю длину и ширь этой не самой короткой в мире улицы. Чад жаровень, запахи, запахи горелого мяса, звуки оркестров – от нью-йоркского симфонического до биг-бендов, жующие рты, рты оружие, рты поющие, бесконечная дружба народов, но без транспарантов и лозунгов, родимых, таких привычных в наших массовых действиях. Парад, шествие этнических групп, семей, одиночек и – ни одного полицейского. И все это

– под одним воплем-лозунгом: сейл! Могучая распродажа разнообразного ширпотреба, веселая, залихватская, умелая, гигантская жратва под открытым небом, под арками из голубых воздушных шаров. Пиршество впечатлений, вдруг кольнувшее разум иглой догадки о скудости моих возможностей.

Что запомнилось? Оркестрик на углу третьей авеню и какой-то стрит, наяривающий одесскую блатную песенку. Пьяна старуха с сигаретой в слюнявых губах, иступленно барабанящая по клавишам своей, столь же древней пианолы. Шотландский волынщик, торжественный и непроницаемый как мажордом. Уличная художница, строго, истово, словно священнодействуя, золотом и серебром разрисовывающая лицо крошечной негрятючки. Тощий «пират» с баскетбольным мячом, прицеливающийся к женщинам, словно к корзине на баскетбольном щите. Хорошенькие женщины в невообразимых нарядах с породистыми спортивными парнями.

На подходе к нашему представительству – мини-демонстрация: два старых еврея, встав у стен «Вест парк синагоги», выкрикивают в мегафон антисоветские проклятия. Говорят, такой дуэт работает каждое воскресенье, с двух до четырех часов дня. Оплата почасовая – по два «бакса». Парни из секьюрити беззлобно пересмеивались, наши стояли с твердокаменными лицами.

Между прочим, между теми и другими устанавливаются хорошие отношения.

Профессионализм выше политики.

Вечером – визит в Ривердейл, к Роланду Джикия.

23 сентября.

В беседе с Э.Ш. греческий министр затронул вопрос об эмиграции. В ответ наш рассказал о том, как счастливо живет грекам в Грузии.

Перепадка с Джеффри Хау. Олег Гордиевский всплывает в разговоре. Э.Ш. вворачивает в свой обвинительный спич фразу о Шерлоке Холмсе, времена которого давно прошли и «мы не будем прибегать к услугам сыщиков, чтобы установить как вы украли Гордиевского».

Вечером – фильм «Совершенный» (Perfect) с Джоном Траволтой в главной роли.

24 сентября 1985 г.

Всю ночь и утро – морозящий дождь, занудливый аккомпанемент к главному для нас дню.

Э.Ш. пригласил к себе в квартиру уточнить ряд моментов. Пожаловался: «Не успеваю переваривать встречи».

Зал заседаний Генеральной ассамблеи ООН. Перед Э.Ш. выступали двое: президент Уругвая Сангинетти и финский мининдел. Уругваец был очень речист и темпераментен, цитировал Монтестье, Брехта, Эйнштейна и под конец сорвал аплодисменты. Но по залу ходили, из зала выходили, шелестя бумагами, словом, вели себя вольно, без пиетета к оратору.

К началу выступления Э.Ш. зал переполнен. Прибывает делегация США во главе с Шульцем.

Говорил Э.Ш. хорошо. Зал слушал, не отвлекаясь на посторонние дела. Кожей чувствовал: внимание захвачено. Однажды выступление прервалось аплодисментами. Потом, в конце – аплодировали долго.

Перед выступлением предупреждали: возможны антисоветские выкрики с галерки – афганские, польские, еврейские.

У выхода Э.Ш. ждала чаща микрофонов. Он продрался сквозь нее, что-то выкрикнув про мир.

Вслед прошла делегация США – без комментариев. Шульц натянуто улыбался.

О. Трояновский ссылается на чьи-то мнения: «Свежий подход».

25 сентября.

В сегодняшней «Нью-Йорк таймс» – заголовок: «Шеварднадзе произвел очень хорошее впечатление на Ассамблею Объединенных Наций». Эта и другие статьи есть в моем досье, не буду пересказывать их. Пресса широко обыгрывает использованную Э.Ш. метафору – «звездный мир». Моя и тарасенковская находка – о «ядерной зиме» – тоже была замечена. Отмечается более умеренный, по сравнению с речами А.А. Г. тон, сдержанность и взвешенность. Пишет, что он очень много работает, и поэтому его жена посещает достопримечательности Нью-Йорка одна. Он действительно очень много работает. Вчера, например, сидел до четырех часов утра, отрабатывал предстоящую встречу с Дж. Шульцем

Она началась сегодня в 2 часа дня. Задолго до этого срока у представительства за голубыми барьерами «Лайн полис» собралась огромная толпа репортеров. Множество нарядно одетых людей собрались на ступенях синагоги – то ли еврейский праздник «Бен кипур» собрал их здесь, то ли приезд госсекретаря. Какой-то «ковбой» выкрикивал антисоветские лозунги.

Нескольких американских репортеров впустили в здание представительства. Э.Ш. подошел к ним, улыбаясь. Они улыбались ему вспышками фотоблицев.

-Приветствую вас.

Один тут же спросил:

-Что бы вы хотели сказать для нашего журнала?

-Все что я хотел сказать - сказал вчера.

-Тогда, может, несколько слов о том, с чем вы приехали сюда?

-Если я скажу это вам, то что же я скажу президенту?

Тут появился Шульц в сопровождении Макфарлейна, Нитце, посла Хартмана.

Они немного попозировали фотографам. Э.Ш. выбрал самый удобный момент для того, чтобы извиниться перед Шульцем:

-Вчера я не смог быть на вашем выступлении. Мои помощники разработали мне такую программу, что...

В зале для переговоров Шульц заметил:

-В прошлом году, помнится, стол у вас был сервирован иначе.

-Мы убрали с него водку, - заметил Э.Ш.

Двери закрылись.

Встреча продолжалась три часа сорок пять минут. Все это время репортеры в зале и на улице терпеливо ждали партнеров.

В 17.45 двери распахнулись, из зала вышли все, кроме Э. Ш., Шульца, Добрынина и переводчиков. Они оставались там минут 30-35. Потом вышли и направились к выходу. На улице толпа аплодировала, выкрикивала здравицы в честь мира.

Шульц подошел к микрофонам и сделал короткое заявление для прессы.

Потом вперед выступил Э.Ш. (такого, говорят, в Нью-Йорке еще не было).

-Наша оценка встречи совпадает с мнением господина Шульца. Она была интересной, полезной и искренней.

За ужином А. Добрынин говорил О. Трояновскому:

-От А.А. Г. они привыкли слышать только «Нет!», а здесь услышали кое-что другое и очень удивились.

Чуть позже – В.Ф. Петровский:

-Только что с приема у японцев. Могу сказать вам: Э.Ш. доминирует уже не только в средствах массовой информации, но и у своих коллег. Геншер признает с кислым видом: стиль – новый. Японцы, те просто в восторге: от А.А. Г. они не могли добиться согласия на визит, его неизменные отказы уже начали приобретать оттенок политического скандала.

Общее мнение: то, как ведет себя здесь Э.Ш. классом выше, чем в Хельсинки.

25 сентября, 1985 г.

Надвигается ураган «Глория». Сегодня к вечеру достигнет «Нью-Йорка». Штормовые предупреждения, сделанные со спутников «портреты» этой славной фуриозы, артистические комментарии синоптиков заполнили экраны TV.

Двигается «Глория» со скоростью 150 миль в час, намереваясь захватить атлантическое побережье США в регионе южных штатов на их стыке с дистриктом Колумбия и Нью-Йорком.

Посвященные тайфуну сюжеты передаются в сводках новостей через каждые полчаса. Фанерными щитами закрываются витрины, автомобили прячутся в гаражи, люди в супермаркетах закупают продукты впрок.

А у нас здесь все идет своим чередом. Сегодня подписан протокол об установлении дипломатических отношений с Оманом – важный прорыв в район Персидского залива. Прочел запись беседы нашей делегации с командой Шульца. Шульц предложил, чтобы Поль Нитце прочитал лекцию об американском толковании договора о системе ПРО. –Согласен, -- ответил Э.А. – однако не думаю, что здесь именно та аудитория, которая нуждалась бы в лекциях.

Когда Шульц усилил натиск по поводу существа наших конкретных предложений по сокращению стратегических наступательных вооружений, Э.Ш. ушел от конкретного ответа, задав, в свою очередь, вопрос:

-А что вы можете предложить нам?

Когда зашел разговор о нашем превосходстве в области стратегических и иных вооружений, - сказал:

-Если верно то, что, как вы утверждаете, мы похищаем вашу передовую технологию, то как же мы можем опережать вас?

Корреспондент Эй-би-си Лакуэти:

«Ожидая прибытия госсекретаря Шульца, советский министр Шеварднадзе удивил журналистов, спустившись в фойе поболтать с ними. Это служит еще одним осознанием растущего осознания в СССР важности улучшения представления о себе в глазах общественности. Когда прибыл Шульц, Шеварднадзе, в отступление от традиции, вышел на тротуар, чтобы поприветствовать Шульца. Когда они вошли внутрь, позируя перед фотографами, Шеварднадзе вновь удивил наблюдателей тем, что извинился перед Шульцем за то, что не присутствовал на его выступлении перед Генеральной ассамблеей ООН».

В. Ломейко вспоминает:

-В аэропорту Хельсинки к нему подошла какая-то журналистка и попросила сказать несколько слов.

-Ну, разве я могу отказать даме?

Этот сюжет тут же был расхвачен на мировом рынке «ньюс».

Тайфун «Глория» смел с телеэкранов всю политику. Уже через каждые четверть часа энергичные и напористые комментаторы «Кейблньюснетуорк» читают карты «Глории» и предсказывают судьбу США на ближайшие два дня. Сообщают, что это самый могучий тайфун за последние сто лет, что к вечеру нынешнего дня он захватил все восточные штаты и движется к северо-западу. В Нью-Йорке же он пока о себе ничем, кроме дождя не напоминает.

Наша делегация переместилась в Вашингтон, где 27 сентября утром Шеварднадзе встретится с Рейганом и там же отланчует с госсекретарем на устраиваемом им барбекю. Несколько человек, в том числе и я остались в Нью-Йорке, 28 утром машиной выедем в Вашингтон.

27 сентября.

«Глория» вторглась в Нью-Йорк. По городу хлещет прерываемый сильным ветром ливень. Мэр Коч молил Всевышнего о нем, однако витрины заклеиваются клейкой лентой, крест накрест, как у нас в годы войны.

Это и есть война – с разрушительным «харрикейном». Во всяком случае, телесобщения о нем напоминают сводки с фронта. «Фронт «харрикейна» приближается к городу, улицы залиты водой, зонтики, вырвавшись из рук гонимых ветром прохожих, взлетают к небу как белые фляги капитуляции. Сейчас, когда пишу это, симпатичная Роз-Энн комментирует на экране моего Sony – поднимает ножки, чтобы очередная приливная волна не захлестнула ее.

27 сентября, вечер.

Домой, домой! Нет более могучей силы притяжения. Чем зов дома и родины. Как бы бедно ни жилось нам в их стенах, нет их роднее. И никогда, ни за что, ни за какие богатства любых Америк не отдам я дощатый и скрипучий свой причал.

«Харрикейн» чуть-чуть унялся. На шпилях небоскребов тучи развесили свои лохмотья, тучи проглянули в их прорехи, чтобы сильнее сомкнуть контраст между мраком и светоносностью неба.

Трое, Нестерушкин, Исаев и я поехали в Остер-бей, на дачу нашего представительства. Если и есть рай на земле, то выглядеть должен он так. Трехэтажный дом в стиле построек Новой Англии – темный кирпич, белая расшивка, белая же окладка окон и дверей, регулярный английский парк, футбольные поля, баскетбольные площадки, теннисный корт – и все это обсажено платанами, ореховыми и каштановыми деревьями. Простор, уединение, тишина.

Побегал с мячом, поплавал в бассейне, попил горячего чаю и вновь почувствовал себя живым.

Завтра рано утром – в Вашингтон, а оттуда – в Москву!

28 сентября 1985 г.

По дороге № 29 – Юг – в Вашингтон. Шоссе – стекло, едем – звеним. Но не сбиты травинки на обочинах – подстрижены, как на поле для гольфа. «Глория» осталась в воспоминаниях. Солнце, синь небес, роскошные лимузины и хорошо одетые разнокожие люди, стремительные как телефлеш(?) создают картины процветания этой невероятно богатой, до отрыжки сытой страны.

Надписи на дорожных щитах – словно оглавления давным давно читанной книги.

Мэриленд, Ньюарк, Ньюпорт, Балтимора...

Многоколонный Вашингтон, «Карандаш» Линкольна, самодельная самодеятельная выставка «Анти-Хомейни» - фотографии жертв режима аятолла, орудий пыток, тюрем, застенков, музей авиации и космонавтики, демонстрация технологического могущества этой страны и –зеленые лужайки, парни, играющие на них в американский футбол, множество разновозрастных джоггеров и покрытых патиной конных статуй, опрокинутые отражения в зеркалах прудов, вздувшийся от дождей Потомак, импозантный особняк нашего посольства... Все это было бы прекрасно, сели бы не одно обстоятельство: под надуманным и весьма смехотворным предлогом меня оставили в Нью-Йорке, отсекли от делегации, и я остался не у дел, многое не видел и теперь обо всем знаю понаслышке. Встреча Э.Ш. с Рейганом длилась два часа. «Ковбой» начал с обвинений в адрес советской пропаганды: «Искажает образ нашей страны, ее цели и намерения (чуть позже Э.Ш. ответил ему контробвинениями, присовокупив к ним «приговор» за искажение ленинских цитат). Большую часть своего выступления, кстати сказать, заранее подготовленного, отпечатанного он посвятил защите СОИ, сравнивая ее с противогазом, которым человечество может оборониться от губительных «газов» ядерной милитаризации. Упор в обвинениях делался на наращивании в СССР стратегических ядерных сил, превосходящих США в соотношении 3:1. Далее он говорил о необходимости

регулярного общения «русских и американцев» через головы бюрократических чинов. На что Э.Ш. ответил ему:

-Ни я, ни господин Шульц не бюрократы.

Передав письмо Горбачева, Э.Ш. изложил президенту суть его главного содержания: 50-процентное сокращение ядерных наступательных сил, способных достигать территории обеих стран. Это было то, чего они так давно требовали и добивались. У Рейгана лицо сделалось непроницаемым, чего не скажешь о Макфарлейне. По мнению С. Тарасенко, они предполагали сокращение в пределах 30-35 процентов, и наше предложение, столь радикальное, застало их врасплох. Оставшись один на один с Э.Ш., Рейган заговорил о правах человека, о необходимости уладить эту проблему, ибо в противном случае внушительные силы в США будут торпедировать любые попытки сблизить США и СССР. Э.Ш. обещал довести это мнение до сведения советского руководства.

Затем был ланч, весьма небогатый по калорийности, количеству и качеству блюд. Рейгана подбили на анекдоты – он их обожает. Рассказал пару ирландских анекдотов, затем Добрынин изложил бородастые грузинские анекдоты (о долгожителях, отце и сыне, например). Э.Ш. молчал. Когда же его спросили, что он думает об анекдотах, сказал, что существует множество этнических анекдотов, в принципе – остроумных, но обидных для людей той национальности, которая высмеивается.

-Ну, а как относитесь к шуткам вообще?

-Прекрасно. Мне, например, понравилась шутка господина Буша, которую он вернул в одно из своих выступлений?

-О, что за шутка? – встрепенулся Рейган.

Пришлось Бушу потеть, рассказывая о древнем анекдоте, которым он хотел проаргументировать отсутствие свобод в нашей стране и наличие свобод неограниченных – в США. Он конфузливо передал президенту слова героя анекдота – о том, что «у нас в Америке каждый может стать у Белого дома и кричать «Долой Рейгана!»

Рейган даже не улыбнулся. Э.Ш. заработал же очки.

28-го он принял Арманда Хаммера. Тот передал письмо на имя Горбачева, в котором, между прочим, есть такие слова: «Нашего друга Э.А. Шеварднадзе следовало бы поздравить с тем, что во время пребывания в США ему удалось добиться того, что французы называли бы «тур де форс». Содержание его выступлений, а также его выдающееся умение находить общий язык в любой аудитории, несомненно, приковали к нему всеобщее внимание». В 17 ч. по местному времени с военно-воздушной базы Эндрюс наш самолет вылетел в Москву.

30 сентября.

Пригласил к себе Э.Ш. меня с Тарасенко и дал выступление Горбачева в Елисейском дворце. Предложил сократить и сделать новую концовку поярче. Дал свой вариант идеи: у каждого поколения – свой «актив». Наше – завершает нынешнее тысячелетие.

С чем?

Сделали один вариант – отверг: «Надо бы чуточку более броско».

Сделали нечто совсем уж публицистическое: «черная книга ядерной алхимии» и пр. и пр.

За обедом некто А. спрашивает:

-Это вы про поколение?

-Мы. А что?

-Здорово.

Еще через час:

-Приняли вашу концовку и поблагодарили.

22 октября 1985 г.

Все тот же воздушный «хай вей»: Москва-Нью-Йорк. Только на сей раз с залетом в Софию – за Э.Ш., пребывающим тут на совещании Политического Консультативного

Комитета стран Варшавского договора. Только на сей раз – на юбилейное заседание Генеральной Ассамблеи ООН по случаю 40-летия Организации. Только на сей раз – с Гаваной и Рейкьявиком на обратном пути. И на все про все – одна неделя и около 40 часов в воздухе.

Надо начинать отсчет налетанных километров, как у летчиков. Насколько хватит тебя, летчик?

Если бы год назад кто-нибудь сказал мне, что с перерывом в один месяц дважды слетаю за Атлантический океан – счел бы это неудачной шуткой. И если бы предположил, что не будет желания второй раз лететь в «железный Миргород» - назвал бы себя трепачом и снобом.

Но все так и есть: второй раз с перерывом в один месяц лечу в Нью-Йорк, и никакого желания лететь туда у меня нет.

Хочу в Тбилиси, хочу на Тбилисоба. Но и здесь, в Софии, в гостинице «Рила» Тбилиси нашел меня – в лице Миши Хананашвили, моего бывшего по Грузинформу, сотрудника, и Петра Кочанова, болгарского журналиста, когда-то блистательно гостевавшего у нас в Грузии.

И вновь, как в Нью-Йорке, доминировала тбилисская тема. Сидели в каком-то дешевом кабаке, пили ракию и разговаривали, заглушаемые ревом плохого, но с могучими усилителями оркестра.

Мир тесен, твержу я себе одну и ту же банальность. Упомянул в разговоре ТемоСепиашвили, еврея – иммигранта, владельца большого нью-йоркского магазина радиоаппаратуры.

-Его тбилисская кличка – «Кобра», - сказал Миша, - я его когда-то побил за дефицит рыцарства в отношениях с моей кузиной.

Кто кого побил – факт труднопроверяемый. Но факт всеохватности человеческих связей – не подлежит сомнению.

23 октября

Автобросок на Витошу – в болгарскую осень, в багрец и золото нагорных лесов. Но в пути нас перехватывают –возвращайтесь в Софию, вылет – на час раньше.

...И снова под нами океан, и снова приевшиеся шутки о «жажде» - вдруг чудодейственным образом утоленной: откуда ни возьмись, как говорится в русских сказках, появились две бутылки – «Чхавери» и «Пиросмани».

За тебя, Никола гонимый, и за тебя, винодел отверженный, поднимая я тост над Атлантическим океаном. Мои попутчики не знают об этом, и хорошо, что не знают. О, они многого не знают обо мне. Например, того, что я не хочу лететь в Нью-Йорк. Что у меня очередной приступ удушья, - то ли от сердечной недостаточности, то ли от «глобус гетерикус» (3213). Что больше всего на свете сейчас я хотел бы сидеть в моей тбилисской квартире, в кабинете моем тбилисском сидеть – и глядеть на Телетский хребет, и думать... Аэропорт в Шенноне – шедевр дизайна, айриш-кафе – прекрасный напиток, темное «Гиннес» - великолепное пиво, в местном «дьюти-фришоп»-е товары радуют глаз одной лишь своей изысканной выделанностью; в самолете нас закармливают деликатесами; в Софии выдали 500 чеков, в Гаване выдадут еще 100 (будет Аде на дублинку), в Нью-Йорке подкинут командировочные в долларах. Но Боже мой, какая все это пыль в сравнении с отлетающей, как осенний ломкий лист, жизнью.

В салоне нашей «Санта-Марии» разговаривал с В.Г. Комплектовым, заместителем министра.

-Мне вообще трудно было понять, как можно решиться на такую экзекуцию над собой – сказал он о моем решении переместиться из кресла директора информационного агентства на жесткую табуретку помощника министра, пусть и спичрайтера, но все-таки лишь малого на подхвате.

Одно утешение – подо мной океан.

Одно утешение – сочинили с Тарасенко речь, какую не часто слышали в ООН из уст министра иностранных дел СССР.

Впрочем, это уже не одно, а два утешения, что немало.

Поработали в салоне Э.А. над его завтрашней речью, наметили сокращения - если понадобится.

Прямо из аэропорта имени Кеннеди Э.А. с супругой летит на вертолете в «Уолдорф-Асторию» - на прием, который дает Рейган по случаю 40-летия ООН. А мы – в «подводную лодку» нашего представительства, залегшую на углу 67 стрит и 3 авеню. Месяц назад в эти же часы «Багдад над подземкой» представал с высоты гигантским и обычным, если не считать хребтов Манхэттена, городом. Сейчас же это – пожар самоцветов, исторгнутый в синий бархат осенней ночи.

Они отражаются в лакированных бортах вертолета, который высадит чету Ш. в «Уолдорф-Астории».

После приема Коля Успенский, переводчик, рассказывает:

-Не знаю, доживет ли Рейган до встречи в верхах – уж очень он плох.

Прочел его завтрашнюю речь в ООН – она так же дряхла, как и оратор, хотя изрядно нарумянена риторикой и припудрена дурной литературщиной: «Мир – это тень, которая следует за человеком, идущим по пути благонравия и добродетели». Но при всем этом – самая антисоветская из произнесенных этим «великим мастером общения». Уводящая разговор о гонке вооружений в сторону к локальным, «региональным» конфликтам. Никарагуа, Кампучия, Афганистан, Ангола... Давайте улаживать эти конфликты, давайте сотрудничать в экономической помощи слаборазвитым странам, давайте решать проблемы прав и личных свобод...

24 декабря 85 г.

Встань пораньше, встань пораньше, удлини жизнь рассветом и бегом. Через Парк – и Мэдисон-авеню – к Сентрал-Парку.

Сентрал-Парк – иллюстрация к О'Генри. У подножье памятника волонтерам седьмого района, павшим в первую мировую войну, спят бродяги и бездомные на скамейках. Кто укрыт армейским одеялом, кто - черными полиэтиленовыми мешками и картонными полосами. А мимо бежит деловая, богатая и средняя Америка, удлиняющая жизнь утренним джоггингом. Мужчины и женщины, старые и молодые – бегут, отмеряя мили, по аллеям Сентрал-Парка. Мой бег роднит меня с ними, наше родство скреплено, спаяно одной страстью к движению. Дорожки перебегают белки, бронзовые Шекспир, Морзе, Гете включаются в этот разномастный поток. Многие из моих «родичей» бегут с наушниками «вокменов», слушая музыку.

10 часов утра. Зал заседаний Генеральной ассамблеи ООН. С трудом нахожу место – рядом со стажерами – слушателями Диакадемии. Тот, что слева – омич, бывший секретарь Обкома, сосед справа – работник ЦК, тоже бывший.

С большой помпой выводят на трибуну мистера Рейгана. Аплодисменты долгие. Кто рукоплещет? Зал Клакеры с галерки?

Рейган начинает свою речь, обращаясь к залу, не заглядывая в текст. Он у него перед глазами, на невидимом для слабых глаз стеклянном экране специального электронного устройства. Оратор как бы беседует с аудиторией, доверительно делаясь с ней сокровенными мыслями. Это производит эффект и затуманивает сознание. Даже самая скудная идея в таком оформлении предстает значительной и достойной немедленного осуществления. Например, «инициатива», направленная к урегулированию региональных конфликтов, поданная в сугубо пропагандистском тоне. Ни слова о ядерных вооружениях, зато множество велеречивых фраз вроде «у нас за пределами США нет захваченных территорий, кроме могил наших солдат». И зал слушает, разинув рот, забывая о том, как и почему бравые солдатики оказались погребенными в чужой земле.

Бурные, долго не смолкающие аплодисменты – как написали бы мы в тассовском отчете – были желанной наградой оратору и его спичрайтерам.

На фоне этого «цирка» выступление ЧжаоЦзияна показалось скромным и простоватым. Но оно было взвешенным, умеренным и поэтому – мудрым. Никакой аффектации, никакой позы, рисовки, актерства.

Произвел впечатление Раджив Ганди.

Маргарет Тэтчер начала с упоминания речи Черчилля в Фултоне и ею же и закончила свое не по-женски жесткое выступление. Она тоже пользовалась услугами электронного «подсказчика» и тоже сорвала аплодисменты.

Волновался, слушая Э.А. Ведь эта речь была первой по-настоящему моей. Искренне радовался, когда после выступления к Э.А. подходили делегаты и благодарили его.

Переговариваясь с соседом-омичом, упомянул Васю Степанова, моего двоюродного брата, когда-то работавшего в Омске. Сосед живо откликнулся:

-Василия Гавриловича и сегодня добрым словом поминают в нашем городе. Он очень много делал для него.

Вот так в зале заседаний Генеральной Ассамблеи ООН, ненароком ощутил на себе ветерок детства. Вот где достала меня ветвь генеалогического древа.

После заседания Э.А. с ходу атаковали два репортера.

-В чем я провинился перед вами, - попытался отшутиться он.

-Вы ни в чем не провинились перед нами, господин министр. Нас лишь интересует ваше мнение о выступлении господина Рейгана.

-Я высказал свое мнение в выступлении.

Интервью проходило в атмосфере и обстановке драки. Пожилой господин из охраны ООН не допускал мальчишку-репортера к Э.А., репортер отбивался, охранник врзал ему, тот ответил, началась потасовка, весьма, надо сказать, жестокая. Наконец, парень отбил, догнал нас, но Э.А. уже выходил из здания ООН.

Вечером узнал, что в Сентрал-Парк в те же часы бегал Даниэль Отрега, сопровождаемый вооруженными автоматами «Узи» охранниками.

27 октября 85 г. 3216

Последние часы в Нью-Йорке. Воскресенье. Пустынная Ленсингтон-авеню, «улица вдов». Чистое ясное утро, фантастическая геометрия городского силуэта. Вчерашний вечер провел в Чайна-таун с Андреем и Наташей Толкуновыми.

Китайский ресторан. Женская очередь у «Челленджера». Ночной Бродвей. Призывной пункт. Демонстрация у кинотеатра – протест против показа фильма о деве Марии.

Аэродром Кеннеди. Сегодня – «Тбилисоба». Мераб Чибошвили рассказывает тбилисские анекдоты с начинкой из Э.Ш.

В Нью-Йорке нынче грандиозный марафон. Из-за него Э.А. опаздывает к отлету.

Летим на Кубу. Острова в океане. Изумительный вид. Лагуны. Светлая лазурь у берегов, переходящая в густой ультрамарин океана. Местами острова облаков перекрывают сушу.

Литература превосходит мое знание этой жизни. Все, что я знаю о ней – из Хемингуэя, Маркеса, Карпентьера, Гильена.

Аэропорт имени Марти. Барбудо №1 Кубы Фидель Кастро заключает Э.А. в объятия. Нас везут в правительственную резиденцию по городу, знававшему когда-то лучшие времена.

Гавана обшарпана как Чайна-таун, но все равно – прекрасна! Сдержанное благородство сквозит в особняках испанской колониальной застройки.

При вылете из Нью-Йорка было плюс восемнадцать. Здесь – плюс тридцать. Чрезмерность температуры, чрезмерность флоры, чрезмерность океана.

Изящная гаспенда на берегу озера, беленые стены, черное дерево шкафов, розовые фламинго. Наше жилище, наш двухдневный приют.

Церемония возложения венков к памятнику Хосе Марти. Стоим в вестибюле трое – Дима Казачкин, Мераб и я, ждем продолжения программы. Вдруг в нее вклинивается Фидель.

-Впервые у нас?

-Да, впервые.

-Хотите, покатаю вас по Гаване? Только, боюсь, вас не устроит моя скорость...

Странный разговор.

-Сколько человек взял с собой из Грузии товарищ Шеварднадзе?

-Троих.

-Почему так мало?

-Спросите об этом у министра.

Поездка по парку. Уик-энд по-гавански. Фидель вламывается в толпу, ведет за собой гостя, тот подхватывает на руки смуглокожего младенца, целует его.

-Это спектакль?

-Нет, Фидель нацелен на жизнь. Эдуард – тоже. Но, поскольку они занимают такие посты – их жизнелюбие политично, - говорит В.Г. Комплектов.

-Вы счастливы, что живете в социалистической стране, что у вас такой лидер, как товарищ Фидель, - говорит в толпу Э.А. Очередной взрыв энтузиазма и ликования не сотрясает ее. Возложение венков к памятнику В.И. Ленину. Осмотр музея «Гранма». Э.А. просит Фиделя сделать дарственную надпись на книге. Тот говорит без стеснения:

-Произнести вашу фамилию еще могу, а вот написать...

Ему диктуют по буквам.

Экскурсия по старой Гаване. Бывший дворец генерал-губернатора (капитан-губернатора – в оригинале?) – городской музей.

28 октября 1985 г.

Финка ла Вихия – дом Мэри и Эрнеста Хемингуэев. Ни слова о чувствах, слова бессильны выразить их. Андрей Битов в неизданной пока книге о Грузии прекрасно описал состояние умного человека, утоптанной тропой шествующего к бархатным шнурам, за которыми – в мертвых экспонатах подспудно живет великая личность.

Призыв «Руками не трогать!» противоречит самой сути этого человека. Все потрогать, все изведать, ко всему прикоснуться – такой была его жизнь. Теперь она превращена в музей. Здесь он написал «Кровавое лето», «Зеленые холмы Африки», «Праздник, который всегда с тобой», «По ком звонит колокол», - и лучше по возвращении я перечитаю их, чем стану вникать в путеводители.

Башня Мэри и вид на Гавану. Купол Капитолия напоминает вдруг о диктаторе из «Превратностей метода» Алехо Карпентьера. Диктатор строил этот Капитолий, завозил мрамор из Италии, поживал в Париже... У Карпентьера тоже была своя башня, с которой он, как и папа Хэм, обозревал город диктаторов и рыбаков. А когда на Гавану обрушивается тропический ливень, - вспоминается «Полковник, которому никто не пишет», его петух, его ожидания почтового катера.

Поездка на пляж – где-то между Кохимаром и Бакурапао. Плайо дель Эсте. Непрерывный накат прибоя, невозможность пробиться за тот рубеж, где вольные движения в воде и слияние со стихией. Трижды входил в прибой и трижды, обессиленный, валился на песок. Но ведь все-таки – океан, Атлантический океан, не чета тому зловонному месту близ Барселоны, в которое я погружался по настоянию Константина Сергеевича Есенина. Наши опекуны – Хосе, Марселло, Глория. Хосе преподает русский в Гаванском университете, прилично знает нашу прозу, мы с ним много говорим о русских деревенщиках и латиноамериканских романтиках.

Вечером – прием во Дворце Революции. Если Революция совершалась ради таких дворцов – то цели своей она явно достигла. Тропический сад под крышей прекрасного современного здания осеняет буйный пантагрюэлион, сооруженный из всяческих морских тварей удивительной расцветки и непостижимых расцветок. Впрочем, был здесь и вполне грузинский жаренный поросенок. Которого я покинул ради иных – тоже грузинских яств.

Дома нас ждал тбилисец Батиев. Наварил лобио, нажарил купат, заготовил мангал для шашлыка. Кубинская экзотика была отринута ради вечера в атмосфере и стиле тбилисского застолья.

Перед моим бегством Фидель справился «о трех грузинах». Катушев, посол, вытолкнуло вперед своего помощника Лешкашвили.

- Не этот, - сказал Фидель. - Этот - здешний.

А те стояли на площади и ждали меня. Я же не высветился.

У Батиева опьянялись тбилисскими воспоминаниями.

29 октября 85 г.

И снова «плайо дель эсте», пляж и бушующий океан под красными флагами. Купаться нельзя, и мы не идем в волны. Они сами идут к нам. Не идут - летят, бешенные и, ударив влет, бросают на мокрый песок.

Проводы в аэропорту. Прощай, Гавана, ты надолго запомнишься мне.

Летим в ночную темень. Завтра рано утром - посадка в Ирландии в Кефлавике. Эти полтора рассветных «исландских» часа тоже будут помниться долго. Может, по контрасту с гаванскими, может - из-за своеобразной прелести этой скудной, ничего не рождающей земли. Впрочем, почему же не рождающей? Покрытая черной лавой с прозеленью скромной травки, лишь один процент своей территории отдавая рукотворным лескам она обеспечивает 240 тысяч своих трудолюбивых жителей мясом и молочными продуктами.

Аскетичный пейзаж выдвигает человека на передний план, не заслоняет его громадами современной урбанистики и пышными зарослями живых лесов. Земля дымит клубами белого пара, дышит вулканами, выбрасывает огонь как в первые дни творения. Холодная голубизна неба в окне, черные горы на горизонте, припорошенные по хребтам первым снегом, милый гид - рыжеволосая, средних лет, женщина и ее спутник, молодой, спортивного вида человек ведут рассказ о своей стране и о себе. Нас везут на термальную станцию, и я вновь вспоминаю Тбилиси. Потом угощают чаем и сладостями в скромной здешней гостинице, везут к океану, тоже ведь Атлантическому, но такому холодному - сгустку почти черной синевы и стужи, кормильцу этой страны. В Москву прилетаем в шесть вечера, идет снег, мерзну в плаще, жду на ветру, пока мои попутчики выгрузят свой богатырский багаж и размышляю: а что же привез я?

О, мой багаж куда огромнее! И хотя итоги, политические итоги этого вояжа не известны мне во всех тонкостях и подробностях - я знаю, что в эти дни жил по-настоящему.

14 ноября 1985 г.

«Чтобы человеку чувствовать себя в жизни сносно, нужно быть дома». (В. Распутин).

«Быть дома» - значит, быть там, где ты хозяин, а не постоялец. Значит, ходить по земле, с которой ты связан родовыми корнями, где тебе до всего есть дело. Значит, жить с людьми, за которых ты в ответе и которые в ответе за тебя. И потому дом - это еще обитель души, живущей в согласии с собой, с миром людей и природы» (Н. Потапов, из рецензии на повесть В. Распутина «Пожар», «Правда», 13.11.85).

Не изменил ли я себе, изменив своему делу, городу и дому? Да, изменил и потерял все.

Там у меня была своя тема, своя нота и стоило мне только пропеть ее, как все обратилось в слух. Там у меня был дом - не просто жилище, а обитель души, вросшей в стены комнат, отданной и преданной им, хребту в окне, огням Тбилиси. Там у меня были друзья, с которыми мне не страшны были недруги. Там у меня было имя, доброе или недоброе, но во всех случаях заставлявшее считаться со своим авторитетом.

Здесь всего этого у меня нет, и будет ли - не знаю.

Чем компенсируется утрата? Поездками по свету? Меня они не манят, а иногда - даже пугают. Информацией? Мне хватает той, что была, к тому же она оставляла время для

размышлений. Масса свободного времени? Не хочу, чтобы его было так много. Чего же я хочу? Не знаю.

Знаю одно – хочу быть кому-то необходимым, нужным в этом своем новом качестве – тому же Э.А, который выманил меня из тбилисского дома, посулив этот самый высокий для меня ранг: быть необходимым. Быть очевидцем, а не соглядатаем, помощником, а не «мальчиком на подхвате».

Вот, пришло, наконец, ясное понимание того, чего я лишился: дома мне было что сказать – тем и был интересен я людям, и они слушали меня. Здесь мне пока сказать нечего. Должны пройти годы, чтобы я получил право на высказывания, достойные внимания и уважения. Их у меня нет.

С.П. Тарасенко: - Стрельцов как вел себя на поле? Стоял почти весь матч, и трибуны освистывали его за это. Но наступал момент, известный только ему одному, и он взрывался. Забивал гол. Это, по-моему, Ваше амплуа здесь.

Хорошо бы так!

Когда-то А.С. Чернышев, мой оппонент, сравнил меня с либеро. Неточное сравнение – либеро, свободный защитник – один из самых организованных и работающих игроков команды. Пока же я выпадаю из команды. И никакой свободы!

Встречи в верхах, внешнеполитическая активность, Гималаи телеграмм на столе Э.Ш., работа по 15-16 часов в сутки – все это я понимаю. Но не для того ведь приехал сюда, чтобы по столько же часов в сутки сидеть в своем № 704 и ждать вызова. Набирать вес – физический, но не моральный, терять время и авторитеты, набранную скорость и высоту работы.

Пресс-конференция Виталия Сергеевича Юрченко, «нашего человека в ...», оказавшегося в роли подопытного кролика ЦРУ.

Козырная карта в колоде крапленых карт, которыми два секретных ведомства разыгрывают бесконечную партию в жульнический покер. Сначала с этой «карты» пошло ЦРУ, теперь идем мы и, похоже, больно, с треском бьем по носу, только что прооперированному носу мистера Рейгана. Происходит это за пять дней до Женевы. Высокий лысеющий блондин, судя по развороту плеч – атлетического сложения, широко посаженные глаза с пеленой тревоги и боли, вислые пшеничного цвета запорожские усы, с трудом сдерживаемая взвинченность, болезненность во всем облике. Говорит возбуждающе долго, вязнет в подробностях.

-У меня после перенесенного – рефлекс многословия...

-Чтобы разозлиться, мне надо увидеть американца...

Не буду излагать пресс-конференцию – она длилась два с лишним часа, и на полную запись у меня нет ни времени, ни сил. Только некоторые, поразившие меня подробности и общие впечатления: у меня не осталось ни малейших сомнений в искренности В.

Юрченко. Человек лгуший продумывает все, он не сообщает факты, которые могли бы повредить ему, а Юрченко был щедр и на такие подробности.

Переполненный зал потрясенно внимал рассказу, который, по словам одного корреспондента, напоминает шпионские романы Яна Флеминга и Юлиана Семенова.

Между прочим, этот корреспондент – Мартин Уокер, мой старый, по декабрю прошлого года знакомый, извративший до неузнаваемости мое интервью с ним. Конечно же, его отношение к рассказу В. Юрченко – недоверчиво враждебное – обое для всех западных корреспондентов.

-1 августа этого года в Риме, на площади Святого Петра, которая за последнее время стала столь знаменита...

Дама со шведского радио:

-Примерно год назад примерно такой же рассказа мы слушали от Олега Битова. Чем вы объясняете такие совпадения?

-Битова обрабатывали англичане. Очевидно, у них с американцами общие методы работы...

Человек Рейтер спросил его о подробностях встречи с директором ЦРУ У. Кейси.

Юрченко рассказал. Привел с простодушным видом комический, вызвавший в зале хохот, эпизод:

-Во время беседы Кейси достал из кармана таблетку, по виду – точно такую, какие давали мне. Я подумал: уж не держат ли они и его под наркотиками.

Перед встречей сулили встречу с самим Рейганом: «Если будешь хорошо себя вести».

Он явно эмоционально неустойчив, глаза то и дело увлажняются, о чем говорит и врач: «Острое органическое поражение головного мозга, слезливость, другие остаточные явления...»

«Барьер перед въездом в Лэнгли, кабинет Кейси на седьмом этаже – пожалуйста, можете проверить».

-Как вы ушли?

Он рассказывает о том, как задумал побег, как охраняли его и виллу в Фридериксбурге.

-Один из моих охранников явно стыдился того, что происходит. Работал он в ЦРУ всего второй год... Дочка спрашивает: «А тебе его не жалко? Ведь накажут!» Мне его действительно жаль. В воскресенье один из двух оставшихся охранников удалился по своим делам. Я попросился в магазин – купить плащ и шляпу. В магазине набрел на служебную комнату, увидел в ней телефон. Дальше – сплошное стечение благоприятных обстоятельств. Взял трубку – откликнулась телефонистка, попросил соединить с номером 6682412 (будете в Вашингтоне – проверьте) – соединила, сказал, что хотел... И тут в комнату вбегает какая-то женщина и возмущается, почему это посторонние люди звонят по служебному телефону

-Извините, мэм, у меня обстоятельства.

Потом подбил охранника на ресторан. По шоссе № 66 поехали в сторону Вашингтона. В ресторане охранник размяк: «Я здесь бывал когда-то со своей девушкой...» Попросился в туалет, надел плащ, шляпу, бриться не стал – боялся порезов – вышел, поймал такси и в Вашингтон. У посольства уже стояли машины. Меня не остановили – ждали человека в Блейзере, а я был в плаще. Я вошел в посольство и вот теперь я здесь...

Корреспондент «Лос-Анджелес Таймс»:

-Кем вы работаете в КГБ и знаете ли вы женщину по фамилии Ересковская?

-Я буду долго отвечать на этот вопрос. Но прежде сам хочу спросить: известен ли вам корреспондент «Лос-Анджелес Таймс» Томсон?

-Странно. Он ведь Ваш предшественник. А знаете, за что он был выдворен из СССР?

-Не знаю.

-Тоже странно. За связи с ЦРУ. Я не делаю из этого никаких выводов, сообщаю просто для сведения.

Смех в зале.

-А работаю я в МИД советником. Специалист по защите зданий. Работал офицером безопасности, какие есть в любом посольстве. В Рим ездил в связи с похищением картин из особняка советского посольства.

Что же касается вопроса о женщине, то мне понятна его подоплека: не удалось сделать из меня предателя – надо попытаться скомпрометировать. Эту женщину я знаю, она жена моего сослуживца по Вашингтону, встречались в его квартире по праздникам. И не надо делать из меня сексуального гангстера – я обычный, нормальный мужчина...

В финале – эпизод с бутылкой.

17 ноября 1985 г.

Вчерашний разговор с Э.А. начался с рассуждений о его выступлении на партконференции МИДа в конце ноября с.г.

-По сути, это ваше первое выступление перед здешней аудиторией. Насколько мне известно, от него многого ждут.

Кивок головой, раздумчивый взгляд.

-Рассказывают, что ваш предшественник выступал экспромтом, без «домашней заготовки». Мидовцам нравятся такие.

-У тебя есть какие-нибудь идеи.

Пересказал содержание разговора с С.П. Тарасенко. Один с сошкой, семеро – с ложкой.

Люди годами топчутся на месте, теряют вкус к творческой работе. Низка культура – общая и специальная. Незнание истории вопроса. Неумение работать с документами, мыслить над листом бумаги, писать. Слишком мало «кормильцев», слишком много иждивенцев, медленный рост молодежи, в наставники идут слабые и пустые люди и т.д и т.п.

Плюс ко всему этому – «золотой телец» застит все иные ценности, скорей, скорей, за кордон, долой работу в аппарате министерства, да здравствует «ротация»!

Плюс ко всему – отвратительные условия работы, лифтов ждешь по пятнадцать минут, в столовую не протолкаться, а протолкаешься – есть нечего...

Плюс ко всему – смрадный душок коррупции, затесавшийся и в эту святая святых великого нашего государства, поездки за рубеж за мзду, за взятки берущим и дающим чинам из управления кадров, растраты т.н. представительских фондов и т.п.

Как-то – не помню сейчас, как – разговор перекинул на мою персону.

-Оказался в полном вакууме. Так или иначе, в Тбилиси вокруг бурлил водоворот, здесь оказался как бы не у дел – а самое главное – в полном одиночестве.

-Разве я не в таком же положении? Ни один человек здесь ничего не хочет делать.

Неглупые, умные, толковые люди – бездеятельны, безынициативны...

-Даже такие, как Имярек?

Даже такие как они. Ты поосторожнее с ними – много течений и подводных камней. Это все осколки прошлого, и в новое здание встраиваться не хотят. Кроме того, это прямой канал связи с былым...

Да разве только у нас в МИДе такие? Вот мы едем в Женеву – ты думаешь, за редким исключением, кто-нибудь по настоящему заинтересован в настоящих результатах?

В Афганистан? Мы там крепко увязли, и все из-за того, что кто-то принял офицерский дворцовый заговор за революцию, объявил его таковым и повел дело привычной стереотипной колеей.

Брежнев во все эти дела не вникал, не разбирался, действовал по советам других и по своим внутренним весьма приблизительным представлениям – теперь за многое надо расплачиваться.

Теперь – голос понижен до шепота – надо спасти социализм!

(Все так, летописец, все так, и ты в ту же команду влез по той же надобности, но не дай искренности этого симпатичного тебе человека увлечь, ослепить тебя. Вспомни его доверительный разговор с тобой по поводу личности Брежнева. Когда ты по просьбе Э.А. готовил статью о генсеке для журнала «молодой коммунист». Сколько неподдельной (или поддельной, но артистически сымитированной) теплоты было в его характеристиках этого самого «медлительного» лидера нашей страны, с одной стороны – одарившего ее сомнительным ядерным превосходством, а с другой – затормозившего ее развитие до состояния полного кризиса и развала экономики).

-А сколько же в нашей внешней политике слабых мест, образовавшихся из-за субъективных ошибок и верхоглядства? Кастро говорил мне: «Вы затеяли дело в Афганистане в тот самый момент, когда мы возглавили движение неприсоединения, поставив нас в совершенно безвыходное положение».

Нам надо собрать здесь умных, думающих людей (перечислил несколько имен), усилить аналитическое, прогностическое начало, укрепить дисциплину, повысить культуру исполнения.

Мое выступление должно быть программным, но говорить мне следует более всего о работе аппарата. В этом направлении надо думать.

Изложил основные направления, конкретные примеры слабости некоторых звеньев, назвал конкретные имена нерадивых работников.

Самое главное, что я услышал, что желал услышать:

-Ситуация мне ясна, и я владею ею. Успокоился, понял, что могу считать себя человеком на своем месте. Ну, а ты наберись - терпения.

1 декабря 1985 г.

Вчера состоялись смотрины Э.А. Шеварднадзе, явление мессии народу. Произошло это на партийной конференции МИД, зале – огромном, холодном, неуютном, творении эпохи сталинского ампира. Э.А. произнес полуторачасовую речь, заморозившую аудиторию словами «честный», «порядочный», «добросовестный».

Это была его собственная речь, в несколько приемов надиктованная мне с Тарасенко, речь программная и во многом традиционная для бывшего первого секретаря ЦК КП Грузии. Знакомые воззвания к борьбе против негативных явлений, «протекционизма», «за чистоту рядов» и т.п., новое – внешнеполитический инструментарий.

Венец его пятимесячного пребывания на посту министра – Женева. Он готовил встречу в верхах, за десять сентябрьских дней в Нью-Йорке встретился с сорока коллегами, пять раз – с Шульцем, дважды с Рейганом, летал с Горбачевым в Париж, потом – снова в Нью-Йорк. Женева, ее скромные, но столь вдохновившие усталое человечество итоги освятили его вступление в мир большой внешней политики и дали ему мандат на серьезные высказывания о министерстве иностранных дел.

Он этим мандатом неплохо воспользовался. Старожилы этого неухоженного дома на Смоленской говорят, что никогда еще в нем не звучали такие речи. Требования быстрого действия интеллекта, большей подвижности, динамизма, лучшей профессиональной оснащенности были подкреплены крепко забытыми моральными заповедями: не возлюби жены ближнего своего, не лги, не воруй, не разлагайся. Ссылки на Ленина, Чичерина, Горбачева, под занавес – на Маркеса и все это – с использованием отработанных приемов воздействия на «психологию» массы, включая такое сильнодействующее средство, как собственное волнение.

Однако аплодисменты прозвучали лишь раз и, к удивлению оратора, в самом неподходящем месте – там, где он коснулся соцкультбыта.

-Я думал, заплодируют после упоминания Громыко, а они – после слов о столовой – пожаловался он Тарасенко. Тот популярно объяснил ему, что Громыко - монумент, не снисходивший до простых смертных, отрешенный от низов, вознесенный в заоблачные выси, и слова Э.Ш., отмерившие его популистский спуск по лестнице в гущу министерской массы были истолкованы как благая весть о новых временах.

Плюс к этому прозвучавшее сообщение о новых назначениях – замминистра-кадровик В.Ф. Стукалин поедет послом в Грецию, в его кресло усядется В.М. Никифоров из ЦК, некогда курировавший Грузию – утвердили зал в догадках о наступлении новой эпохи.

Словом, дело завершилось овацией, от которой кое-что перепало и мне: устное «спасибо» и разрешение съездить в Тбилиси, на сессию Верховного Совета.

-Только никому ни слова о здешних делах. У наших есть в министерстве свои люди, своя «агентура».

Будто эта агентура не изложит «нашим» информацию о «здешних делах» - помимо меня. Работа над речью для конференции сопровождалась приступами откровенности. Жалобы на «тихий саботаж» со стороны кое-кого, на трусость иных послов, не желающих письменно изложить свои позиции. В Женеве первый зам. Противодействовал

подписанию соглашений – под тем предлогом, что американцы создают помехи возобновлению воздушного сообщения и. т.д. Оказалось, никаких помех, все решилось очень просто – стоило просмотреть текст, кое-что откорректировать, кое в чем уступить, кое-что уточнить.

Словом, «противники разрядки действуют».

2 декабря 1985 г.

Не знаю лучшего в мире писателя, чем жизнь. И не знаю лучшего литературного шедевра – любого жанра и формы – чем жизнь. Задумываемые и реализуемые ею сюжеты подчас так сложны и затейливы, что рискуют навлечь на себя обвинение в неправдоподобии, в «нежизненности». А между тем...

А между тем ко мне наведалься Б.Д. Панкин, посол СССР в Швеции. В 1971 году в ранге главного редактора «Комсомольской правды» он пожаловал в Тбилиси на ... дватый съезд комсомола Грузии. Позволил себе некоторые вольности, как-то: вступил в литературно-политический спор с В.П. Мжаванадзе, отстаивал «Новый мир» А.П. Твардовского и очерки Гиндзбурга «Потусторонние тени» от нападок невежественного бурбона; выступая перед съездом, покритиковал грузинской комсомол за слабодифференцированную работу с молодежью: «У вас тридцать тысяч неработающих выпускников средних школ питательная среда тунеядства, преступности, всяческих социальных отклонений...»

В отместку ему учинили оскорбительную обструкцию, напустили – с высочайшего ведома и соизволения – юного оратора, поставившего под сомнение приведенные Панкиным данные, а заодно – и его нравственную чистоплотность.

В итоге образовался вакуум. Московского гостя и меня вкупе с ним сторонились, как прокаженных. И вот в эту то мертвую зону шагнул молодой седоголовый министр внутренних дел республики и подчеркнуто демонстративно пожал руку Панкину. В боях, которые он затевал тогда, это был многозначительный и точно рассчитанный выпад. Бои увенчались победой, победа принесла лавры и кресло первого секретаря ЦК КП Грузии. Потом кресло превратилось в трамплин, забросивший Э.Ш. в высотное здание на Смоленской площади, где мы и беседуем с Панкиным о великом мастере романа – жизни. В той ее главе, что посвящена вам, есть еще один занятный персонаж, презабавнейшим образом повязанный со всеми нами. Это – Е.М. Тяжелников, посол СССР в Румынии, могучий когда-то недруг Б.Д. Панкина, да и мой тоже. А теперь все служим-состоим по одному ведомству и молимся одному богу, и еще неизвестно кого из нас больше осеняет он благодатью своей.

4 декабря

Но как же быть со звонком Хабеишвили? Не могу не пойти к нему, не могу и утаить сей факт от Э.А. – ведь не сам я по себе игрок в этой новой команде.

Сказал, зайдя попрощаться перед отъездом в Тбилиси. Чем чрезвычайно озаботил.

-Как так? Ведь его позвали из депутатов Верховного Совета. Ведется следствие. Наверное, в Москву он приехал нелегально... Звонок тебе подтверждает это предположение.

Этого я не знал.

-Ну, а мне как быть? Что бы там ни говорили о нем, я не могу не вернуть ему долг. Для меня отказывать ему сейчас во встрече – вывалить себя в грязь.

-Это ты решаешь сам. Но я бы не рекомендовал тебе сейчас наведываться к нему. Может быть, после возвращения.

Э.Ш. был заметно встревожен и огорчен.

-В народе вас связывают с ним, - не удержался я. – На этот счет существует множество спекуляций.

Молча разглядывал меня, словно «читая», что может таиться за столь «дерзкой» откровенностью. Потом сказал:

-Начать следствие против него распорядился я. Оно началось при мне. О каких спекуляциях речь? Хабеишвили ходил в горы, потом как-то ухитрился пробраться в Москву, звонил мне, я его не принял, сказал: сейчас не тридцать седьмой год, поезжай в Тбилиси, если за тобой ничего нет – тебя не тронут. (Он не мог не знать, что за Хабеишвили многое есть, думаю я. Или я ничего не смыслю в пределах власти и возможностей первого секретаря ЦК).

-Не будет ли каких-нибудь поручений в Тбилиси?

-Передай привет товарищам.

5 декабря

В.Г. Казьмин, зам. председателя КГБ Грузии – в самолете:

-Дело Хабеишвили выделено в особое производство. Узнав об этом, несколько руководителей явились с повинной: «Мы давали взятки Хабеишвили», Первым об этом заявил Бучукури, бывший секретарь Сигнахского райкома партии, слушание по делу которого тянется с 1981 года, затем – Важа Батиашвили, ахметский шеф и, наконец, - Алик Кобаидзе, телавский секретарь.

Вот такие дела. Первые двое симпатий у меня не вызывали, но третий – Кобаидзе – был мне близок и по-своему интересен. Я часто бывал у него в Телави, возил гостей и друзей, прибегал к его помощи. И каждый раз возникало чувство тревоги, каждый раз в той или иной форме пытался выяснить, что происходит. Телави представлял мне гигантским постоянным двором, на котором вволю, до рыгания, жрут и пьют высокопоставленные гости, даже не подумывая об оплате счетов. Да и кто им счета подавал?

-За меня не беспокойся, - говорил мен Алик, - у меня все в порядке.

Представления о порядке подкреплялись множеством новаций типа АСУ-РТВЕЛИ, престижными новостройками и т.п. Верилось, хотелось верить, что интеллигент, мягкий, внешне непохожий на мужланов типа Бадурашвили Кобаидзе, мой старый знакомец по комсомолу – честен.

-А ты не верь, - говорил злоязыкий Парчо Антадзе и называл факты – один убийственнее другого: и автомашинами торгует, и на должности за взятки назначает, и все вокруг него взяточники, и Анзор Кемашвили (?) в посредниках у него ходит, и в райкоме бардак, секретари прямо на рабочих местах блуд правят, а он их покрывает...

Представляю, как должен был выглядеть в глазах кобаидзевского окружения я – его гость и «приятель».

Сейчас выясняется, что А.В. Кобаидзе «выручал» крупными суммами С.Х. Хабеишвили, когда у того возникала потребность в деньгах, главным образом – для ублажения столичных гостей. Надо полагать, в целях покупки их благорасположения, необходимого для совершения (или несовершения) тех или иных деяний в «пользу дела и республики».

6 декабря

В.Г. Казьмин – запиской – на заседании комиссии Верховного Совета: «Арест – вопрос дней или даже часов. И, явно встревожившись моей реакцией, чуть спокойнее:

-Во всяком случае, материалов для этого предостаточно.

Мое нынешнее пребывание здесь, в Тбилиси – нескончаемые обряды целования, лавины расспросов и безуспешные попытки вывернуться, избежать залпов всеобщего интереса – не ко мне, разумеется. Но фон у всей этой праздничной суматохи - тревожный.

«Дело Хабеишвили» вконец чернит «задник», на котором «пляшут», извиваются все новые и новые жертвы развязанного Джумбером Патиашвили «террора». Множество людей теряется в догадках и предположениях. Доминируют два взгляда на происходящее.

Первый: он перечеркивает деятельность своего предшественника.

Второй: все согласовано.

Вечером, в застолье у моего приятеля Алика Иоселиани, - экстренное сообщение одного из гостей:

-Сегодня рейсом 941 из Москвы в Тбилиси под конвоем доставлен бывший секретарь ЦК Сулико Хабеишвили.

7 декабря 1985 г.

На сессии с сообщением об этом выступает прокурор республики.

-Находясь в Москве, куда он отбыл самовольно, не поставив о том в известность органы следствия, Хабеишвили обзванивал из больницы ряд ответственных работников и учреждений, пытаясь заручиться их поддержкой.

Вечером – Дж. Патиашвили:

-Твоя фамилия была второй в изъятом у него списке. Против нее значилось – «устно и письменно». Иначе говоря, он собирался использовать тебя как двойной канал связи.

А я-то думал, что он хочет исповедоваться, облегчить душу...

-Много еще других фамилий было в этом списке?

-Десять-пятнадцать...

-О его выезде в Москву было известно?

-Да, я знал об этом. Ко мне, в дни сессии Верховного Совета СССР, пришли Бураковский и Примаков. Они просили «оставить в покое Хабеишвили», дать ему возможность поработать в России, а до этого – полежать в клинике. Он, мол, очень болен. Я сказал, что следствие по делу Бучукури, к которому причастен Хабеишвили, ведется давно, и я не могу прекратить его. Что же касается болезни – пусть лечится.

Теперь его «лечат» в следственном изоляторе №1 или, попросту говоря – старой тбилисской тюрьме.

Так что же все-таки произошло с этим человеком? Всегда ли он был таким, или борьба за место наверху обострила в нем мздоимца и интригана? И как «проморгал» его Э.Ш.? И «проморгал» ли вообще?

-Перед тем как лечь в московскую клинику, он дал показания – сплошь провокационного характера. «Уж не собираетесь ли вы арестовать меня! Я вас всех арестую...»

-Есть ли в его деле какая-нибудь связь с делом Убирия-Хурамшина?

-Есть – прямая: с Хурамшиным Убирия свел Хабеишвили – через Прибыткова, помощника Черненко. В машине Прибыткова Убирия передал Хабеишвили деньги...

Вот куда шли деньги, вот кому они предназначались – помощникам полуживых «вождей».

И не так уж далека от истины народная молва, утверждающая «особую роль» Хабеишвили в «особых делах» нашей маленькой скомканной страны.

-Теперь ответь мне на такой вопрос: что вообще говоря у нас происходит? Не кажется ли тебе, что вся эта история может бросить тень на Э.Ш., поколебать его авторитет?

-Ничего особенного не происходит. Продолжается начатое Э.А. Я воспитан им и считаю своим долгом идти его дорогой. И ни один мой шаг я не делаю без того, чтобы не посоветоваться с ним. Что же касается истории с Хабеишвили, то о ней знает Генеральный. Поведение Э.Ш. в связи с ней он считает безупречным.

В тот же вечер – еще одна, убийственно колоритная деталь этой истории. В августе, совершая восхождение на массиве Чаухи (история, столь сильно растрогавшая меня мужеством уничтоженного, но непобежденного Сулико), он попросил у спутников отдыха. «Дальше не пойду, сердце не выдерживает».

Остался с Ысном и Шалвой Кирикашвили, казбегским альпинистом.

Впоследствии Шалва показал: «Подготовили тайник и спрятали в них алюминиевые ящики. В них были деньги».

-Если этот клад найдут – Хабеишвили расстреляют (Патиашвили).

Я: если клад действительно был зарыт в горах, то летит вверх тормашками вся версия о бескорыстии Хабеишвили, его бесребреничестве. Летит к чертям имидж преданного вассала, который если и крал, то ничего для себя, а все – из любвик суверену, ради его возвышения и славы.

И если он действительно зарыл клад в горах, то что же остается от облика и репутации горовосходителя, превыше всего ставившего нетронутость высоких снегов? Он осквернил их своим кладом.

Издrevле в своих горах Грузия укрывала свои сокровища. Сокровища национальные. Свенети на то и Сванети, что были саване – убежищем и тайником для реликвий страны. Вспомни: Хабеишвили звал тебя в эту экскурсию – экспедицию: «Доведу тебя до предвершинного гребня, а дальше пойдешь к вершине сам».

К какой вершине звал он меня, готовый прозакладывать и мою репутацию?

И не освобождает ли это меня от моего долга ему?

Какой сильный, какой емкий образ конца: подняться высоко в горы, чтобы завершить свое падение.

Но одновременно это и конец моей иллюзии. Хабеишвили не мог быть подонком, думал я, потому что он любит и знает горы. Не может быть негодяем человек гор.

Оказывается – может. Отец Шалвы Кирикашвили Вахтанг снес в Казбеги церь из поэмы Чавчавадзе «Отшельник», Шалва поднялся в горы, чтобы стать соучастником преступления.

10 декабря, Москва

Поздно вечером – встреча с Э.Ш.

-Вернулся. На сессии было объявлено о Хабеишвили. В изъятом у него списке фигурировал я.

-Кроме тебя в этом списке значилось немало других хороших людей.

Рассказал об атмосфере в родных местах.

Задумчиво:

-Я и не предполагал, что у Джумбера хватит мужества идти до конца.

О Хабеишвили:

-Несколько раз приглашал его к себе, предлагал повиниться, очистить душу признанием. Он разве что не рыдал: «Если вы мне не верите, я покончу жизнь самоубийством». Если это даже и так, то все равно остается множество трудных вопросов. И ничто не способно отменить слишком очевидный вывод.

Вот он: Сулико Хабеишвили всегда был на острие осуществляемой Э.Ш. политики. В пору великой чистки 1973-1974 годов он вошел главным его кадровиком. Но мало того, что он был исполнителем его воли – он олицетворял ее собой, своей энергичностью, решимостью, неукротимостью в достижении цели. Новаторство и новации во что бы то ни стало, эксперимент и экспериментаторство любой ценой, подчас вопреки и наперекор норме права, пусть и отжившей свое, но, тем не менее, – норме. Ее преодоление – или обход – и стали нормой. То есть возобладавший постулат «все старое – плохо», так называемые поиски нового, развязывая руки «экспериментаторам» и «новаторам», исподволь прекращали их во врагов законности и приучали к мысли о безнаказанности. Вот в чем трагедия «интеллигентного» Алика Кобаидзе, Вот в чем крах его вдохновителя Хабеишвили.

Кобаидзе предал Хабеишвили. Не предал ли я его? Но в чем мое предательство? Я не был его сообщником, «подельщиком», не делил с ним ни власти, ни имущества. На многие мои просьбы он отвечал отказом – их выполнение не входило в его планы. Некоторые просьбы выполнял – это ему лично ничего не стоило.

Если я и предал кого-нибудь, то в первую очередь – себя.

Я искренне и горячо верил, что после десятилетнего мрака, тупости, застоя возможна вспышка света и закономерное начало движения вперед. В событиях 1972-73 годов увидел проблеск. Как мог пытался поддержать. Мой очерк «Взмах второго крыла» – прекраснoдушный порыв помочь людям высоких идеалов. До своего возвращения в Грузию в 1972 г. Хабеишвили выглядел жертвой предшественников Э.Ш., таким же

изгнанником как я. Благородный рыцарь гор, пострадавший за свою чистоту, возвращается на родину, чтобы отдать себя ей – вот так я думал о Сулико.

Теперь оказывается: чтобы ограбить ее. И я своим очерком, слепо прекраснодушным, моральной дружеской поддержкой вообще создавал ему щит.

Кто обвинит меня в том, что я хотел верить? Никто. Но вера не должна быть слепой, а зрячим я становлюсь только сейчас.

Как бы Э.Ш. ни отмежевывался от С.Х., невозможно оспорить факт: осуществляемые у нас новации создали Первому репутацию инициативного борца с казенщиной и косностью, и эта репутация торила ему путь наверх.

Теперь мне крайне важно разобраться, насколько полно С.Х. идентифицируется с С.Х.

Если это тождество есть – мне нечего делать рядом с ним. Ибо я не могу работать с человеком, не веря ему. Но бог со мной, единственным. Моя единственность – это существование травинки, которая либо сгорает на сухое, либо выживает под снегом. Ну, а каково обманывать целый народ, обкрадывать самое-самое, что есть у него – его веру и надежду, измышлять «панацею» от его зол, главная цель которой – самовозвеличивание. Каково идти якобы в ногу с веком, оставаясь, по сути, человеком эпохи крестовых походов?

Как бы высоко не взошел Э.Ш. (чего я ему, как это ни парадоксально, искренне желаю) «история Хабеишвили» - его личный крах, категорическая несостоятельность «великого десятилетия», минувшего с его прихода к власти в 1972 году.

19 декабря

С 12 декабря я на «больничном», с 17-го - в больнице. Диагноз – тромбофлебит, поставленный эскулапами МИДа – отменен. «Просто» лечение, «просто» профилактика, ремонт на ходу.

21 декабря

Нет, не просто ремонт на ходу. Обнаружилась язва двенадцатиперстной кишки. Маленькая, 0,6 мм, но все-таки язва. По странному совпадению она у меня обнаруживается либо перед Новым годом, либо после него. Этакий новогодний подарок какого-нибудь очередного Деда Мороза. В 1978 году был Лева Корнешов, сейчас, в канун 86-го – Альберт Чернышев. Собственно, не в самый канун, а намного раньше разыгралась эта моя язва, но я, преодолевая боль, терпел, рассчитывая на то, что она умолкнет. Но она завопила, затрубила во всю трубу моей двенадцатиперстной кишки, и первым солистом, первым трубачом выступил он, Альберт Несравненный, старший помощник министра иностранных дел СССР.

Ситуация – черная. Он видит во мне антагониста, я же в нем – просто скверного человека. Он опасается меня как потенциального конкурента, я – как подлеца, способного на все. И недаром, неспроста, как выяснилось только что.

Сергей Тарасенко взял на себя неблагодарный труд разъяснить патрону: «Ваш помощник заболел». Для нормального излечения ему надо попасть в нормальную больницу. А для того, чтобы попасть в нормальную больницу – необходим нормальный дипломатический ранг».

-Какой? – поинтересовался министр.

-Ранг чрезвычайного и полномочного посланника. Любой другой ниже этого не гарантирует ему даже сносной районной больницы.

Министр вызвал своего старшего помощника и велел ему подготовить соответствующее представление в Президиум Верховного Совета СССР.

Три дня Альберт думал тяжкую думу, на четвертый вошел к министру и сказал:

«После вашей речи о борьбе с протекционизмом вас неправильно поймут, дай вы Степанову столь высокий ранг. Вас обвинят в протекционизме, в кумовстве, в землячестве, ваш авторитет пошатнется...»

И мой железный Эдуард дрогнул, попятился.

Под новый год мне присвоен ранг советника первого класса. В эту больницу меня уложили Христа ради, точнее, во имя дружбы В.П. Ефлеева, главврача мидовской поликлиники, с местным главврачом. Довольно унизительно – побираться – в мои-то годы.

Что во всем этом пикантного?

1). Выворачивание сути наизнанку. Безнравственный ход – мнимая забота об авторитете и престиже Э.А. – выдается за апофеоз морали.

2). Я низвожусь до уровня мальчика, только что «вступающего в жизнь», начинающего ее с нуля. Будто нет у меня за плечами тридцати лет служения делу, моей работы – книг, публицистики, побед в творческих конкурсах, званий, членства в ЦК, мандата депутатского и т.п. «Ты для нас – никто, мальчик, тебе еще предстоит доказать, что ты чего-то стоишь» - словно говорят мне этим жестоким решением. И мне почему-то это обиднее всего.

3). А еще – ловкий мой перевод по ту сторону баррикады в стан нечестивых и бесчестных, попытка представить меня соискателем благ, отъем вполне органично присущего мне неприятия имущественного благополучия.

Ведь в чем нуждаюсь я? Лишь в знании того, что мне гарантирована какая-то минимальная защита в каком-либо непредвиденном повороте судьбе – болезнь, скажем, или пенсия по инвалидности. Случись это завтра, и я получу – шиш. Тогда как, оставаясь в Тбилиси, мог без тревог глядеть в завтра.

Завтра – день рождения Мао Цзэдуна, сегодня – И.В. Сталина, вчера - Л.И. Брежнева. Как они «сговорились», эти «вчера», «сегодня», «завтра».

30 декабря

Новый год встречаю в больнице. Хорошая больница, неплохо оснащенная, есть, к моему великому наслаждению, бассейн, а главное – «контингент» не столь вельможен, как в других заведениях четвертого главного управления. Есть телефон – связь с внешним миром, есть телевизор – еще связь, есть рабочий стол, за которым я с Тарасенко сочиняем чужие речи и радуемся им. Сочинили, например, обращение М.С. Горбачева к американскому народу, речь Э.А. в посольствах в Японии, Кореи, Монголии.

В коридорах встретил кинорежиссера Марлена Хуциева. Оказывается, здесь лежит его сын, мой сосед по обеденному столу. Мир до обидного банален тем, что невероятно перенаселен общими знакомыми. Заговорили о Леве Оникове.

-А вы знаете дядю Леву Оникова?

-Знаю ли я этого дядю?!

Вечером позвонил Лева Оников – «сон в руку». Я ему – о разговоре с Игорем Хуциевым. Он засмеялся: «Это еще что. Я тебе вот какую историю расскажу». И рассказал.

Сидят в Мадриде, в одном кафе. Александр Бовин, международник, и Леонид Камынин, собкор «Известий» по Испании. Сидят, что-то пьют и едят, о чем-то разговаривают, разумеется, по-русски. Вдруг подходит к ним какой-то испанец, представляется, тоже по-русски, заявляя при этом:

-Меня очень приятна ваша речь, приятно слушать, как вы разговариваете по-русски – детство я провел в Советском Союзе и, разумеется, вывез оттуда любовь к вашей замечательной стране и тоску по ней. Разрешите присоседиться?

Разрешили. Дело кончилось тем, что он заплатил за ужин, а потом вдруг спрашивает:

-А вы Леву Оникова, случайно, не знаете?

Оказывается, в конце тридцатых и во время войны Оников, в те годы - тбилисский урка, подкармливал голодных детей Касталии.

Еще новелла из жизни Льва Оникова: по спискам, составленным Котэ Енгоянном, он обходил дома на улице Леселидзе и вытряхивал из их домов драгоценности – в пользу

неимущих. Он это делал или сам, или с помощью своих приятелей, которых у него было много в этом не самом лучшем из миров.

Однажды, приехав из Москвы в Тбилиси, он решил навестить одного из них. Пришел по знакомому адресу, а там – милиционеры.

-Вы к кому?

-К Арташесу Гевондян.

-Ваши документы?

-Пожалуйста.

-Где работаете?

-В ЦК КПСС...

Ответственный работник ЦК КПСС пришел в гости к вору в законе, вору-рецидивисту, только что взятому под арест после очередного конфликта с законом.

30 декабря. Вечер.

Только что звонил С.П. Тарасенко. Мы тут двумя днями раньше экстренно сочинили одну штуку – обращение М.С. Горбачева к американскому народу. Разумеется, по предложенной схеме, но, справедливости для – весьма приблизительной и туманной. Кое-какие слова нашлись, кое-какие фрагменты придумались, например – парафраз «Зимы тревоги нашей». Сергей подпустил в речь немного брани, но Э.Ш. зарубил ее, мол, договаривались не ругаться.

Сейчас сообщает: работа «прошла», записана на видео и при посредстве Валерия Нестерушкина отправлена в Вашингтон.

Еще две страницы в «библию» вписаны.

Визит в «иглотерапию». Изъявления пылких чувств, поздравления и пожелания по случаю Нового года. Полежал, послушал, устыдился. Как же тихо мы изъясняемся, как не умеем обычные слова и мысли облечь в элементарно грамотную форму!

Из чувства протеста сочинил «нечто новогоднее, иглотерапевтическое»:

В лесу родилась елочка,
Свистит в ветвях метель,
А мы лежим в иголочках
Как срубленная ель.

Храпит сосед наш валенок,
Спит елочка бай-бай,
А Зина так нас валиком,
Что хоть кричи «банзай!»

Та техника валютная,
А сила – от Руси,
Могутная и лютая –
Пощады не проси.

Потом возьмутся пальцы нас –
То гладью, то крестом,
И со стены китаец враз
Грозить начнет перстом.

Давай-ка спросим доктора,
В чем этих игл суть,
Но разъяснения – робкие

И все к тому, что – муть.

Не будем О. Вогралика(проверить инициалы)

Под Новый год читать,

А лучше примем шкалика

И – спать!

31 декабря

Канун 1986 г. Полагается подвести итоги. С точки зрения производительности творческого труда они ничтожны, с точки зрения впечатлений, узнаваний, чувствований – огромны.

Дважды слетал за океан, побывал на Кубе, в Исландии, наблюдал преобразование учительского сына из села Мамати в министра иностранных дел великой державы.

Понял, как много могут улыбка и природное обаяние – даже самые великие умы мира сего обведены вокруг пальца.

Я здесь уже две с лишним недели, встретил в больнице Новый год. Он меня вытащил из удобного и уважаемого кресла, лишил всяческих благ и привилегий, обрек на конфронтацию с мастерами внутренне дипломатии, одним махом низвел до уровня пригостишки, отнял уважительно внимавшую мне аудиторию – и что взамен? Почетную обязанность причислять его провинциальные мысли? Я готов это делать и впредь, но при обязательном минимуме уважения ко мне. Он мог бы хоть раз позвонить сюда в больницу, справиться о моем здоровье – ведь он больше чем начальник, он - одноклассник, позвавший меня за собой и тем самым взявший на себя определенные обязательства передо мной.

Выполняет ли он их? Ни в малейшей степени. Ни на крупицу. Ни на йоту.

Я пошел служить ему по первому его зову. Пошел служить не за эти треклятые поездки, не за «зелененькие» с портретом добродушно-высокомерного Вашингтона, не за возможности отражать лучи его персоны.

За что же тогда?

За слово и жест уважения, за доказательства доверия и доверительности, за проявление воли и готовности видеть во мне ценного человека.

Вот на что я «клюнул» 5 июня 1985 года, вот чего безуспешно и уже безнадежно жду от него сейчас.

Что взамен? Подыгрыш клевету Чернышеву, отказ признать за мной права на сносные человеческие условия существования, закрепленные в ранге и словах благодарности.

Ха, «Зима тревоги нашей»... Да слышал ли он и его патрон название этого стейнбековского романа? Не говоря уже о том, что читал ли?

Нет, не уверен я, что они вполне живы, что они не химеры, что они вытащат страну из болота.

Означает ли сказанное выше, что я предал, отшатнулся, отпал? Ни в коем разе. Буду продолжать служить верой и правдой, но и зазор маленький буду оставлять для себя, территорию, на которую никто не вправе вступить. Ни одной пяди – никому, тем более, когда ты сам кому-то до фени. И писать, писать – это единственная возможность отыграться – за жизнь, за ошибки, за глупую преданность человеку, который тебя ни во грош не ставит.

Так что же все-таки, если не отвлекаться на личности, было самым выдающимся, самым памятным, самым сильным впечатлением 1985 года?

Нью-Йорк? Как бы не так! Розовые фламинго на берегу лагуны в Гаване или океанский прибой на Плайа дель Эсте? Гейзеры близ Кефлавика, бьющие из-под черной, застывшей лавы? Ни фиги! Драка репортера с охранником ООН? Ерунда! История Сулико Хабеишвили? Шеф на трибуне Организации Объединенных Наций? Сильные впечатления, но не самые сильные!

Так что же все-таки? Отвечаю – Сванетия. И если у тебя есть, как говорят в Тбилиси (как говорили – сейчас уже так не говорят) – если у тебя есть «шно» - попробуй передать чувства, которые она у тебя вызвала.

31 декабря, вечер.

.....

Шно – слово из моего детства, из лексикона тбилисской военной поры. Слово необъяснимое и уродливое, как многие порождения того времени. Когда-то я задумал составить словарь арго военных лет, лексикони мусорных и уже мертвых слов. Их время ушло, но как только услышу их – и та эпоха оживает.

Так вот, есть ли у меня шно описать ту, августовскую Сванетию. Из каких слов должен быть соткан тот летучий, колеблемый бегом верховых ветров ковер, на котором с восходом солнца вспыхивает и не гаснет, вопреки переменчивым небесам, до самой ночи не гаснет та великая крошечная страна?

Я таких слов не знаю. Я за такими словами в свой карман не полезу – просто потому, что там ничего нет. Я за ними полезу к великим, пусть даже и никогда не видевшим Сванетии. «Бывали осенние дни, когда все долины заполнялись туманом, и темные вершины Апеннин поднимались из плоского белого озера. Случались дни, когда туман добирался даже до нашего холма и окутывал нас мягким, нежным облаком, в котором прозрачные оливы, спускавшиеся с холма вниз, в долину, исчезали, растворялись, как и положено призракам, и единственно устойчивыми и четкими предметами в маленьком смутном мирке, в котором мы вдруг оказывались, были два высоких черных кипариса, росших в сотне футов ниже по склону. Черные, остроконечные, надежные, они стояли на краю ведомой Вселенной, а дальше, за ними было лишь белесое облако тумана, и вокруг – лишь туманные оливы.

Так бывало зимой, но весной и осенью дни стояли неизменно безоблачные или – что было еще прекраснее – все время меняющиеся благодаря текучим громадам облаков; снежно-белые, под далекими, в снежных шапках горами, они развертывали на фоне сияющей голубизны гигантские картины баталий. А в поднебесной вышине сонно плыли по ветру, все время меня очертания, парусные занавеси, лебеди, неоконченные скульптуры воздушного мрамора, ибо боги, только начав их обтесывать, сразу устали от созидания...»

Ты что, так не можешь? Скучны чувства? Беден словарь?

Можешь, и давай – начинай!

Но не забыть бы описать поразившую меня – и поражающую каждый день – картину в моей палате. Этот вид, обрамленный рамой моего больничного окна.

Меж двойными рамами – бездействующие жалюзи, наполовину закрывшие окно ребрами пластмассовых планок. Невыразимо четкая, законченная графика, упорядоченная индустриальным гением какой-то экспортной финской фирмы. А сквозь этот графический порядок логичного и целесообразного дизайна – хаотичный, но тоже логически безупречный рисунок ветвей, выброшенных зеленеющим стволом осины, гигантской, могучей, держащей на себе всю эту картину и эту раму, все, что вместилось в нее – фрагмент оскверненного заповедного соснового бора, матовую сталь зимних небес с неясными, погруженными в белесую полумглу московского дня, громадами домов на горизонте. Иной раз природа и человексозидают нечто такое законченное...

Последний день старого, уходящего года, плотный, как стопа червонцев за пазухой толстосуа.

Закончу его, не считая собранный капитал – стихами.

Когда домой ни позвоню –
В квартире музыка играет,
Она бушует и пылает
Подобно адскому огню.
Когда домой ни позвоню –
Жена исправно отвечает.
А сын? Он в облаках витает,
А я те облака кляню.
А я себя туда гоню,
Где перезвоны клавесина,
Где из ста раз хоть раз на дню
Мне докричатся вдруг до сына;
Где кучевые облака
Как букли Иоганна Баха...
Фламандского сукна рубаха
Да капельмейстера рука
Над каплями барочной фуги,
С шандалами застыли слуги,
Колеблют музыку века,
Но до конца не задувают;
Как длится вечности река!
Какая музыка играет!
Когда однажды позвоню,
Из кунцевской моей больницы –
Ни в чем, ни в чем не обвиню
Тебя, школяр мой узколиций
На вздох один дыханье мне,
Как слов заветных не хватает,
А ты молчишь, но в тишине
Меж нами музыка играет,
Она как хлеб войны горчит
И как победа возвышает.
Пока она во мне звучит –
Во мне мечта не угасает:
Вращенье быстрое кассет
Магнитной ленты бег мятежный
Затмит однажды дальний свет
Великой музыки безбрежной.

(В ночь с 3 на 4 января 1986 года).

Продолжение следует